

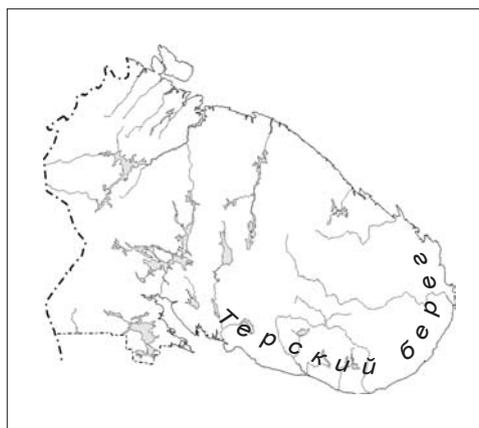
ТЕРСКИЕ ПОМОРЫ
TERSKY POMORS

Ольга Ляпаева, Ирина Зайцева, Лада Калинина
Olga Lyapaeva, Irina Zaitseva, Lada Kalinina

ТРАДИЦИОННОЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ
TRADITIONAL ECOLOGICAL KNOWLEDGE

ТЕРСКИЕ ПОМОРЫ

TERSKY POMORS

С-Петербург
2007

Ольга Ляпаева, Ирина Зайцева Лада Калинина **Традиционное экологическое знание. Терские поморы.** – С-Петербург, 2007. – 80 с.

Olga Lyapaeva, Irina Zaitseva, Lada Kalinina **Traditional Environmental Knowledge. Tersky Pomors.** – Saint-Petersburg, 2007. – p. 80.

Книга является одновременно тематическим очерком и сборником фольклора о природе и природосберегающих традициях, записанного на Терском берегу Кольского полуострова. Экологический смысл произведений фольклора поясняется во вступлениях к главам. Адресуется учителям, школьникам, членам экологических и просветительских организаций, краеведам и всем, интересующимся культурой и природой края.

This book is a collection of folklore studies of nature and wildlife preservation traditions, carried out on the Tersky Shore of the Kola Peninsula. The ecological message of these folklore pieces is explained in the introduction to each chapter. The book is intended for teachers, schoolchildren, environmental enthusiasts, students of local lore and everyone who is interested in the region's nature and culture.

Авторы	Ольга Ляпаева, Ирина Зайцева, Лада Калинина
Фотографии	Геннадий Александров, Алексей Веселов, Андрей Харлов
Рисунки	Ирина Ситдикова
Макет	Геннадий Александров, Константин Кобяков, Вадим Лихачев
Перевод	Наталья Иванова, Мария Смолина
Редактор	Вадим Лихачев
Корректор	Татьяна Нефедьева
Authors	Olga Lyapaeva, Irina Zaitseva, Lada Kalinina
Photography	Gennady Alexandrov, Alexey Veselov, Andrey Kharlov
Drawings	Irina Sitdikova
Design	Gennady Alexandrov, Vadim Likhachev
Translation	Natalia Ivanova, Maria Smolina,
Editor	Vadim Likhachev
Proofreader	Tatyana Nefedyeva

*Благодарим Шведское общество охраны природы и Сеть спасения тайги за поддержку издания этой книги.
We thank the Swiss Society for Nature Conservation and the Taiga Rescue Network for their help in creating this book.*

- © Кольский центр охраны дикой природы, 2007 – издание.
- © Ольга Ляпаева, Ирина Зайцева Лада Калинина – текст.
- © Ирина Ситдикова – рисунки.
- © Геннадий Александров, Алексей Веселов, Андрей Харлов – фото.
- © Наталья Иванова, Мария Смолина – английский перевод.

ISBN 999 888 888 000000

ОГЛАВЛЕНИЕ

От авторов	5
Очерк истории и природопользования терских поморов	9
Знание о природе в культуре поморов	14
Рыбачий промысел и традиции, связанные с местами лова	17
Охотничий промысел и оленеводство	24
Традиции использования и сохранения родников	28
Добыча жемчуга	34
Мифологические рассказы Терского берега	38
Лечение и профилактика с помощью заговоров	47
Народный календарь поморов Терского берега	52
Осмысление природных объектов через названия	60
Поморская игрушка	65
Образы природы в поморских песнях	70
Серия “Традиционное экологическое знание”	76
Список литературы	78
Словарь диалектных поморских слов	79

CONTENTS

Foreword	5
Studies on History and Land-Use of the Tersky Pomors	9
Environmental Knowledge in the Pomor Culture	14
Fishing and the Customs Connected with Places of Catch	17
Hunting and Reindeer Breeding	24
Traditional Use and Protection of Springs	28
Pearl Harvesting	34
Myths and Legends of the Tersky Shore	38
Curing and Preventing Diseases by Means of Incantations	47
Folk Calendar of the Tersky Shore	52
Images of Nature in the Local Names	60
Traditional Pomor Toy	65
Images of Nature in the Folk Songs	70
Series “Traditional Ecological Knowledge”	76

Пялица. Ryalitsa village.

Сосновка. Sosnovka village.

Чаваньга. Chavanga village.

In our rapidly changing time local peculiarities and signs (omens) gradually cease to exist. In particular, old traditions and folklore sink into oblivion. The Tersky Shore of the White Sea is known as a folklore reserve: many wonderful songs and fairy tales were recorded here by ethnographers. What was the ecological knowledge of the Tersky Shore? What has enabled people living in such a severe climate maintain harmony with their land for centuries? Researchers from different spheres – biologists, historians, folklorists – we have joined our efforts to find answers to these questions.

The book explores how the traditions leading to this remarkable pattern of sustainable use developed. The authors relate stories told by village elders about their unique spiritual traditions of hunting, trapping and fishing as well as the Pomors' belief in charms (zagovor), magic, and their respect for sacred places.

The authors also present excerpts from first-hand accounts of evil spirits, lullabies, and even toys. These stories about animals, birds and other living creatures enable the reader to imagine how community members were raised to prepare for a self-sufficient subsistence and what they believed their relationship to the earth was.

The program "Traditional ecological knowledge of the Pomors" was launched in 1994. Research

Книги серии "Традиционное экологическое знание" знакомят с экологическими традициями коренных народов и призваны способствовать сохранению природы.

В наше стремительное время уходят в прошлое многие приметы и особенности местного быта и культуры. В том числе, к сожалению, утрачиваются старинные традиции и фольклор. Терский берег Белого моря с давних времен известен как своеобразный заповедник фольклора, здесь возникли чудесные сказки и песни. А каким было традиционное экологическое знание Терского берега? Что позволяло людям, поселившимся в столь суровой среде, под-

держивать гармонию с природой в течение долгих столетий? Исследователи разных направлений – биологи, фольклористы, историки, мы объединились, чтобы отыскать ответы на эти вопросы.

Программа "Экологические традиции поморов Терского берега" стартовала в 1994 году. Были проведены экспедиции: в 1994-1995 годах – Нижегородского фольклорного клуба и Кольского центра охраны дикой природы под общим руководством О.Н. Ляпаевой, а в 1997 году – Московской городской станции юных натуралистов под руководством Н.В. Трубецкой. Опросы охватили села Терского берега – Варзугу, Кашкаранцы, Умбу, Кузомень, Ча-

Тоня, рыбацкая изба и промысловый участок, в губе Орловка в Горле Белого моря.
Tonya, a hut and sea-shore plot for fish-catching, in the Orlovka Bay of the White Sea Gorlo.

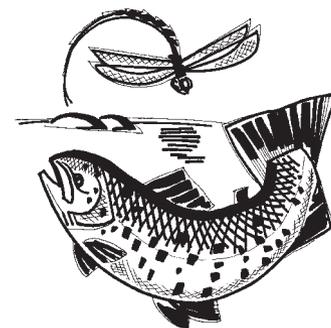
ваньгу, Стрельну, Чапому, Тетрино, Пялицу. В Варзуге, Кашкарантах и Кузомени записи фольклора сделаны О.Н. Ляпаевой (Нижегородский государственный университет, Нижегородский фольклорный клуб), А.М. Бакулиным (НФК), Л.В. Калининой (ННГУ, НФК), И.В. Зайцевой (Московский государственный университет, Кольский центр охраны дикой природы), О.В. Мячиной (НФК), А.В. Харловым (НФК) в июле 1994 и июле 1995 годов.

В Чапومه, Чаванье, Тетрино, Пялице записи фольклора сделаны О.Н. Трубецкой (руководитель), а также Е.К. Гавриловой и другими учащимися Московской городской станции юных натуралистов в июле-августе 1997 года.

Были записаны сотни произведений фольклора – устных рассказов, заговоров, песен, преданий, так или иначе затрагивающих экологическую тематику. В этой книге впервые публикуется большая часть этого материала, с нашими вступлениями и комментариями.

Список использованной и рекомендуемой литературы, а также словарь диалектных и устаревших слов вы найдете в конце книги.

Мы глубоко благодарны всем людям на Терском берегу, оказавшим содействие при проведении экспедиций, и особенно исполнителям фольклора.

groups of the Nizhny Novgorod Folklore Club (NFC) and the Kola Biodiversity Conservation Center were engaged in its work in 1994-1995 (head of the expedition – Olga Lyapaeva) and in 1997 – the Moscow City Club of Young Naturalists (headed by N.V.Trubetskaya). Research was carried out in villages Varzuga, Kashkarantsy, Umba, Kuzomen, Chavanga, Strelna, Chapoma, Tetrino, Pyalitsa. In the course of the expedition hundreds of oral stories, incantations, songs, legends touching upon environmental issues were recorded.

Most of the material (provided by our introduction and comments) presented here is exclusive and is being published for the first time.

In the end of this book one will find a list of references and recommended literature as well as information about the folklore collectors.

We are deeply grateful to all the people on the Tersky Shore who assisted us in our field-research, and especially to the folklore performers.

Кузомень. Village of Kuzomen.

Чапома. Village of Чапота.

Фактория Чаваньги. Village of Chavanga.

Ловозерский

Д

Б

А

Умтюрв

О

Д

Б

Л

А

У

Р

А

Канозеро

О

Д

Б

Л

А

У

Р

А

Вязозеро

О

Д

Б

Л

А

У

Р

А

Сергозеро

О

Д

Б

Л

А

У

Р

А

Оз. Соловьиный

О

Д

Б

Л

А

У

Р

А

Оз. Кольцо

О

Д

Б

Л

А

У

Р

А

Оз. Соловьиный

О

Д

Б

Л

А

У

Р

А

Оз. Соловьиный

О

Д

Б

Л

А

У

Р

А

Оз. Соловьиный

О

Д

Б

Л

А

У

Р

А

STUDIES ON HISTORY AND LAND-USE OF THE TERSKY POMORS

ОЧЕРК ИСТОРИИ И ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРСКИХ ПОМОРОВ

Ромори – that is how the coast dwellers of the White Sea call themselves. It's a separate ethnic group of Russians. The part of the southern coast of the Kola Peninsula (or the northern coast of the White Sea) from the Porja inlet to Svyatoy Nos Cape is known as the Tersky Shore and its dwellers – the Tersky Pomors.

The Pomors from different coasts of the White Sea had quite similar languages, life-styles and cultures, and they all considered themselves descendants of settlers from the Novgorod lands. Many features of the Pomor culture echo customs and traditions of their neighbours – the Finns, the Saami, the Karelians. For instance, many names for the natural phenomena of the North, fishing and hunting tools, household goods were adopted from languages of these peoples which also indicates that these objects themselves were adopted. The Pomors' livelihood entirely depended on sea and river trades.

According to a number of historical studies, the Russians began to settle in the area, previously inhabited by the Saami, probably as far back as in the X-XIth centuries. In 1264 Novgorod the Great proclaimed the land of Tre (or Ter') among its possessions. For a while the Pomors and the Saami were raided by the Norwegian Vi-

Поморы – самоназвание жителей побережья Белого моря, особая этническая группа русских. Часть южного и восточное побережье Кольского полуострова от Порьей губы до Святого носа называются Терским берегом Белого моря, а жители его – терскими поморами. Поморы разных побережий Белого моря имеют много общего в быте, языке и культуре, все они считают себя потомками колонистов из новгородских земель. Многие в культуре поморов перекликается с обычаями соседних финно-угорских народов – саамов, финнов, карелов. Так, значительные заимствования были сделаны из языков этих народов в названиях

реалий северной природы, предметов быта и орудий промыслов, что говорит также о заимствовании самих этих предметов и способов промысла. Основа жизни поморов – морские и речные промыслы.

Освоение русскими края, заселенного прежде саамами, началось, по ряду исторических данных, по-видимому, уже в X-XI -ом веках. В 1264 году Великий Новгород перечислял волость Тре, или Терь среди своих владений. Некоторое время поморы и лопь (старинное русское название саамов) подвергались набегам норвежских викингов, которые также претендовали на эти земли. Территориальные

Гридино – поморское село Карельского берега. Gridino – Pomors' village of the Karelia Shore.

Ворот в работе, как и века назад. Vorot in work just as centuries ago (wooden winch).

споры с Норвегией продолжались до начала XIX-го века. Начиная с XV-го века, Терский берег активно обживается русскими. Первое постоянное поселение колонистов – “корельский погост в Аргузе (Варзуге)” упоминается в летописях с 1419 года, а Умба – с 1466 года. На морском побережье появились тони (промысловые избы) и соляные варницы, часть которых в дальнейшем разрослась и превратилась в деревни Порья Губа, Кашкаранцы, Оленица, Чапома, Пялица, Тетрина, Чаваньга и другие. На Терский берег перебирались поморы с южных берегов Белого моря.

Поморы, наследники вольностей Великого Новгорода, никогда не были крепостными, но платили в казну значительные подати как добычей (рыбой, зверем), так и деньгами. Подать начислялась с промыслового угодья, причем все угодья составляли собственность общины (деревни). Права вла-

дения угодьями распределялись между членами общины или по душе, или по количеству дворов. Владельцы же угодий могли их продавать, сдавать в аренду и так далее. В XIX-ом веке и в начале XX-го века проводились даже аукционы тоней. Самые доходные угодья оставались во владении всей деревни, а доходы с них шли на покрытие мирских расходов. В организации жизни поморов община всегда играла очень большую роль.

Основой экономики Поморья всегда были морские промыслы: семужий, тресковый, сельдяной, все зверобойные (тюлений, белуший, моржовый). Поморы освоили побережье не только Белого, но также Баренцева и других арктических морей. Сезонные станы поморов располагались на Шпицбергене, Новой Земле, в Финмаркене.

Села Терского берега имели свою “специализацию” в промыс-

lings who also claimed these lands. Territorial disputes with Norway lasted until the beginning of the XIX-th century. Beginning from the XV-th century the Russians started settling on the Tersky Shore. The first permanent settlement of colonists – the “Karelian pogost Arguza” (or Varzuga) was first mentioned in chronicles in 1469 and Uмба – in 1466. *Tonyas* (fishing huts) and salt-works sprang on the sea shore.

With time their number increased and formed villages Porja Guba, Kashkarantsy, Olenitsa, Chapoma, Pyalitsa, Tetrino, Chavanga and others. The Tersky Shore attracted Pomors from the southern and the western coasts of the White Sea. The Pomors, successors of liberties of Novgorod the Great, have never been serfs, although they paid large tributes either with game (fish, beasts) or with money.

Tax was collected from each fishing or hunting ground while all these territories belonged to a community (village). The right to possess hunting and fishing grounds was distributed among the community members or by the number of homesteads. In their turn, owners could sell or lease their possessions and so on. In XIX-th century and in the beginning of XX-th century it was a common practice to sell *tonyas* by auction. The richest fishing and hunting grounds were left in the village’s possession and the income was used to cover the community’s expenses. Community always played significant role in organizing the Pomors’ livelihood.

Fishing (salmon, herring, cod) and all kinds of sea mammal hunting (seals, walrus, white whale) have always been the basis of the Pomor economy. The Pomors explored not only the White Sea coasts but coasts of the Barents and other Arctic seas as well. Seasonal Pomor camps were set up on Spitsbergen, Novaya Zemlya and Finmarken.

Each village on the Tersky Shore specialized in some kind of trade. For example, in Varzuga the trade was based on salmon migrating to the river, Kashkarantsy “specialized” in herring fishing. The village Kuzomen combined both trades. Sometimes fishers from Kuzomen and Kashkarantsy set out for ice-hummocks in the White Sea Gorlo to hunt seals. But this trade was much more widespread in villages situated near the Gorlo – Chapoma, Pyalitsa, Tetrino, Chavanga. Men from all villages were also engaged in the “Murman cod fishing” (on the Murman Shore of the Barents Sea).

The Pomors used a great variety of fishing methods and tools – seine, *zabor* (wooden fence installed in the mouths and lower courses of rivers for salmon), *poezdovanie* (a fishing net stretched between two floating boats), *yarus* (a kind of long and mobile tackle with many hooks), and so on. The Pomor trades are described in detail in ethnographic and local lore literature (for instance, see bibliography in the end of this book).

Fish and sea mammals were not only used in the Pomors’ own households but were also sold

Телега на Берегу встречалась реже саней и карбаса. Килем подки могла стать мощная кокора. Cart was rarer found here than sledges and karbasses. Kokora (rooted trunk) could be used as a boat keel.

ле. Так в Варзуге он базировался в основном на заходящей в реку семге, в Кашкаранцах – на сельди. Из Кузоmeni и Кашкаранцев в некоторые годы ходили “на торос” – охотиться на тюленей на льдах в районе Горла Белого моря. Более значительную роль этот промысел играл в селах, ближайших к Горлу, ЧапOME, Пялице, Тетрино, Чаванье.

Поморы со всего Белого моря, включая и терских, ходили также на мурманский тресковый лов ради крупной баренцевоmорской трески и палтуса. Но терские поморы реже других “поднимались”

на эти трудные и опасные промыслы, так как богатые семужные реки Терского берега зачастую обеспечивали необходимый для жизни достаток.

Способы и орудия лова были разнообразны: ловля *неводом*, семужим “забором” (реку преграждает частокол, и рыба вынуждена плыть в ловушку), “поездованием” (сетью с двух лодок на плаву), с помощью *яруса* (донная снасть с множеством крючков), и так далее. Поморские промыслы достаточно подробно описаны в этнографической и краеведческой литературе (смотри, напри-

*Тоня Тетрина на полуострове Турый известна с XVI-го века.
Tetrina tonya on the Tury Peninsula is known since the XVI-th century.*

мер, список литературы в конце этой книги).

Рыба и морской зверь не только комплексно использовались в своем хозяйстве, но и шли на продажу, обеспечивая поступление необходимых товаров (в частности, хлеба) из других регионов. Речной и озерный лов также играли большую роль, причем эта “белая” рыба в основном шла на свой стол, в то время как “красная рыба”, семга, – в основном на продажу.

Использовались и другие ресурсы моря, леса, реки: дичь, ягоды и другие дикоросы, речной жемчуг, водоросли, гагачий пух и прочее. Достаточно развито было скотоводство: держали оленей, которые паслись в лесу и тундре, а также овец, коров, коз. Пасли скотину и заготавливали сено на естественных приморских и пойменных лугах и на болотах. А вот земледелия на Терском берегу до колхозных времен практически

не было: суровый климат и бедность почв не позволяли получить достаточный урожай, чтобы окупить вложенные усилия. Выгоднее было ловить рыбу, продавать ее и покупать продукты земледелия. Поэтому торговля на Терском берегу была достаточно развита, в основном на крупных ярмарках в конце промыслового сезона.

Сегодня поморы сохраняют многие черты традиционного быта и природопользования, но многое утрачивается или изменяется под воздействием цивилизации. Поэтому необходимо как можно тщательнее расспросить тех, кто помнит старину, о самых различных сторонах обычаев и истории. Мы выбрали один, но очень содержательный и важный аспект прошлого – традиционное экологическое знание.

on markets, providing inflow of necessary goods (in particular, bread) from other regions. River and lake fishing also played significant role in the Pomor’s everyday life but while the “white fish” mainly went to the villagers’ tables, the “red fish” – salmon – usually went for sale.

Other resources of the sea, the forest and the river were used as well: berries, plants, river pearls, sea-weed, eiderdown etc. Cattle-breeding was also quite widespread: the Pomors kept reindeers (which grazed in forests and tundras), sheep, cows, goats. Villagers pastured their cattle and stocked up hay on littoral flood meadows and bogs. As for agriculture, it hardly existed on the Tersky Shore until the *kolkhoz* (collective farm) era: severe climate and poor soils couldn’t provide enough crops to compensate farmer’s efforts. It was more profitable to catch fish, sell it and then buy agricultural products. Thus, trade was quite developed on the Tersky Shore and it was especially active during big fares that took place at the end of the fishing season.

The contemporary Pomors have preserved many features of traditional way of life and resource-use but some of these features disappeared or transformed under the influence of civilization. That’s why it is so important to interview about different aspects of culture and history those people who remember what it was like in the old times. We have chosen one very useful and significant aspect of the past – traditional ecological knowledge.

Хозяевами приморских лугов в окрестностях Чаванги, Тетрино, Стрельны стали с начала 1990-х эти кони. Привезенные из Якутии на подмену ездовым оленям, они переупрямили людей, не встали в упряжь, став своеобразными мустангами Берега.

These horses have become real hosts of sea-shore meadows in Chavanga, Tetrino, Strelna surroundings since 1990s. Brought from Siberia to replace local haul-reindeer these horses, however, refused to become domestic animals and turned into a kind of local "mustangs".

ЗНАНИЕ О ПРИРОДЕ В КУЛЬТУРЕ ПОМОРОВ

При изучении традиционного природопользования поморов Терского берега нам было важно уяснить, каким образом формировались традиции, в течение долгих веков способные поддерживать в равновесии взаимодействие человека и природы. Поэтому в первую очередь мы собирали рассказы о поморских промыслах (рыболовстве, охоте, скотоводстве) и связанных с ними традициях.

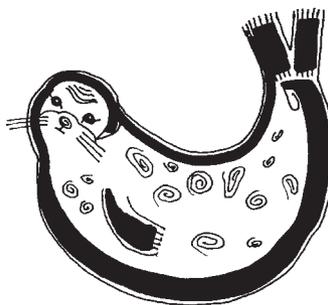
В общинах терских поморов отношения с природой регулировались на нескольких информационных уровнях. Бытовали как прямые предписания, касающиеся, например, ограничений на охоту и рыболовство, так и косвенные – заговоры и промысловая магия. Магическое обращение к одухотворяемой природе порождало особое уважение к ней и благодарность за все, от нее получаемое. Поэтому в книге большое внимание уделяется столь важным свидетельствам о взаимоотношениях природы и человека, как заговоры, рассказы о священных родниках, о промысловой магии.

Другой, не менее важный момент – это отражение природных явлений в произведениях устного народного творчества. Как ни странно, но очень ценны в этом отношении былички (рассказы о нечистой силе), колыбельные песни, игрушки. С их помощью мы можем реконструировать систему воспитания молодого поколения в

общине, а также понять, как осуществлялась подготовка ребенка к самостоятельной жизни, и передавались ему знания и представления о зверях, птицах и других существах, живущих рядом.

Благодаря особенностям поморских промыслов (рыболовство, морская охота и собирательство), русское население лишь в незначительной степени изменило облик местности, ранее населенной угро-финскими народами. Примечательно в этом плане отношение поморов к памятникам, оставленным древними. Есть свидетельства, что поморы не разрушали “каменные кучи” и лабиринты – археологические памятники, встречающиеся на Терском берегу.

Незнание – еще не лицензия на уничтожение. Это характерное отличие традиционного сознания от современного с его стремлением все изучить, расчленивать, раззять.

ENVIRONMENTAL KNOWLEDGE IN THE POMOR CULTURE

For centuries the Tersky Pomors were dependent upon nature for survival, and developed a unique traditional system of resource use that made it possible to balance the needs of both man and nature. The community regulated the use of its natural resources on two different levels. First, there were direct limitations on hunting and fishing. But the Pomors also relied on hunting and fishing charms, and this reliance on magic created a mystical respect for nature and a special gratitude for all that it provided.

Their traditions enabled the Pomors to live in such a manner that the natural landscape which they inherited from the ancient Ugro-Finnish peoples remained unaltered. The Pomors also lived in harmony with man-made landscape that is evidenced, for example, by their relationship with stone barrows and labyrinths (Pomors call the last of them *vavilons* that means *babylons*), ancient buildings remained from the former people. While the Pomors never knew who had set up these constructions and why they had been made, they never destroyed or altered them. Ignorance is not a license to destroy. It just differs people of “traditional knowledge” from modern men aimed to divide and separate absolutely all to learn these or those things.

Невод. Seine check.

Горбуша. Pink salmon.

Кротят семгу. Immobilization of salmon.

Рюжа (мережа). Fish net trap.

Кюра. Wooden sledge-hammer.

Крест "на удачу". Cross for luck.

FISHING AND THE CUSTOMS CONNECTED WITH THE PLACE OF CATCH

Fishing was the Tersky Shore community's economic base. In Varzuga the main catch was salmon, in Kashkarantsy the fishery was mainly herring, while in Kuzomen fishermen caught either of them. Pomors from all over the White Sea, including the Tersky ones, also used to go out onto the "Murman cod fishing" for the sake of the Barents Sea' large cod and halibut.

But the Tersky Pomors less frequently than others undertook these difficult and dangerous journeys as rivers of the Tersky Shore, rich in salmon, usually provided them a sufficient income. There was a complicated salmon-catch system which revolved around salmon life cycle.

During spawning the fish was not disturbed and was sometimes even guarded. Bells never rang, rowlocks were wrapped in rags, and people did not fish in the spawning areas. But overriding this rational respect for the salmon was the very attitude of the Pomors to the streams, to the river, and to the sea. The water was worshipped, as it gave food and cured sickness. Throwing garbage into the water was forbidden, as was going to the river at night – the elders believed that at the night the water rested.

Other customs included "seeing-off" the river after the ice had broken, chanting while crossing streams, and setting up crosses of gratitude (as when finding

РЫБАЧИЙ ПРОМЫСЕЛ И ТРАДИЦИИ, СВЯЗАННЫЕ С МЕСТАМИ ЛОВА

Рыба, река, море – источник жизни для поморов в прямом смысле этого слова. Система лова была основана на знании жизненных циклов рыбы и морского зверя. Особенно важна была в промысловом отношении рыба с очень сложным жизненным циклом – семга. Она приносила основной доход, ее охотнее и дороже любой другой рыбы скупали торговцы. Семга большую часть жизни проводит в море, но заходит в реки для нереста. В Варзуге рассказывают, как в нерест оберегали покой семги. В колокола не звонили, уключины у лодок обматывали тряпичей, а в нерестовых местах не ловили.

Но, быть может, даже важнее, чем такие "рациональные табу", само отношение поморов к реке,

море, вообще, к воде. Обычай "провождения" реки во время ледохода, слова при переходе через ручей, благодарственные кресты за жемчуг, поклонение родникам и многое другое свидетельствует о поразившем нас "культе воды". Воде поклонялись, вода кормила и лечила...

Эти взаимоотношения настолько пропитывали обыденную жизнь людей, что им часто бывало трудно вспомнить обычаи отдельно от их бытового контекста. О многих особенностях бытового и магического поведения мы узнавали лишь случайно, и многого наверняка не узнали. Но общая картина ясна. Неудивительно, что на наши вопросы, не было ли запрета бросать в воду мусор, люди удивленно отвечали: "Запретов

Якоря ставного невода ждут встречи с морем . Anchors for a seine.

не было, сами соблюдаем... Ни в реку, ни в море бросать мусор нельзя. Так вечно”.

Например, нас поразило особое отношение к реке Варзуге жителей одноименного села. Вся жизнь села зависела от лова семги и добычи жемчуга. Известно, что и семга, и раковина жемчужница могут жить только в идеально чистой воде. Поэтому в интересах варзужан было сохранять свою реку. Да и сейчас вода в ней удивительно прозрачна. Вы не увидите грязи по берегам, консервных банок на дне. Кроме того, существуют обычаи, подчеркивающие глу-

бокое уважение людей к Варзуге. На всем Терском берегу бытуют рассказы, как человек заболевает вследствие неуважительного обращения с водой. Такого человека приходилось лечить специальным образом – “прощать”, то есть просить прощения у воды.

Видимо, в качестве профилактики, при переходе через реку или ручей всегда говорили: “Ручеек-кормилец! Прости меня, чем я согрешила!”

После шести часов вечера (по другим записям лишь после одиннадцати) воду из реки не брали, считалось, что в это время вода отдыхает, спит. Ночью из реки брали воду только для того, чтобы лечить, именно “спокойную” воду. Водой лечили от болезней, от сглаза, от испуга (психического расстройства). Воду брали из реки с благодарностью, с сказками:

*Здравствуй, речка наша мать,
Дай водички нам набрать!*

pearls). These interactions with nature were so ingrained into the everyday life of the interviewed people that they often found it very difficult to remember them as separate activities or beliefs, and surely there were many examples which were not uncovered by the authors.

IN THE OLD DAYS DURING THE TIME OF SPAWNING...

*A story told by Valentin
Yevgenyevich Zaborshikov
born 1941 in the village of
Varzuga*

In the old days, during the Spawning Time our ancestors didn't catch the salmon at the places of spawning. Of course, they caught at the mouth of the river since it was a base fishing, but it was forbidden to catch somewhere else in the river. And even the bells didn't ring during the Spawning Time. But now even helicopters fly.

Our ancestors were engaged in what you might call today “biological amelioration” – they caught harmful and predatory fish like pike, roach, and umber. These types of fish were used as food, while the salmon, the most valuable fish, was caught for trade. Later, fishing was prohibited, as the government said, “If we let them fish they will catch not only what they need but more”. For many years we tried to prove to them, referring even to scientific knowledge, that it was necessary to catch the predatory fish to protect the salmon runs. Eight years ago we finally got permission to fish.

THE FISHERMEN'S CUSTOMS

*A story told by Petyr
Prokopyevich Zaborshikov born
1935 in the Varzuga*

In the old days, as soon as the ice flows began, everybody went to

Тоня Колони́ха на реке Варзуга. *Tonya Kolonikha at the Varzuga-river.*

К местам лова также относились особо. На каждой тоне – промысловом участке на море или реке, где летом жила и рыбачила семья или несколько семей – стоял крест “на добычу, на удачу” – чтобы рыба лучше ловилась. Проходящий мимо обязательно молился. Во время летнего промысла, когда на тоне “сидели” семьями, любого прохожего встречали хозяйки и кормили до отвала. Угостить случайного человека – благо, это было не только проявлением гостеприимства, но и заклинанием удачи, достатка.

Тоня, жилище рыбака, – место святое, приходиться надо туда с чистой душой. Гости говорили в сенях: “Господи, благослови!” Им отвечали: “Аминь!” И только тогда следовало входить. “А теперь и с матом входят, говорят”.

Уже упоминалось, что в море и реку нельзя было выбрасывать мусор. На тонях отходы от рыбы зарывали в яму или скармливали овцам.

Специальные обряды посвящены уходу охотников на опасный зверобойный промысел. В церкви заказывали молебен “за здравие”, пекли и давали с собой специальную пищу “ужну” и “тещник”. Наличие особого названия и связь его с родовыми традициями (“тещник” пекла теща) свидетельствует о придаваемом этой пище ритуальном смысле.

Забавно, что воспоминания о зверобойном промысле сохранились в колыбельных: котику за баюканье младенца обещают “белого белечка на шапочку, конжуево яичко на игрушечку”. *Белек* – новорожденный детеныш тюленя, а *конжууй* – он же после линьки.

РЫБАЦКИЕ ПРИМЕТЫ

*Записано от Заборщиковой М.П. 1914 г.р. в с. Кузомень
и от Заборщиковой Е.Н. 1910 г.р. в с Варзуга*

Рыбаки, мужчины, приметы знали. Все определяли по звездам и по погоде. Например, восток тянет – эта сторона ловит, запад тянет – та сторона ловит.

Когда выходить в море – определяли по воде. Привораживали рыбу и у нас и, особенно, в Карелии.

Слова были на рыбу...

У нас был дядя Илья. Ловил семгу поездом (сетью), и когда семга-то ему не попадает, он этот поезд в дом принесет, в ноги кинет, и топчут все. Семья топчет и молятся они. И рыба лучше попадает.

ПРОВОЖАЮТ ЛЕД

Записано от Заборщиковой М.П. 1914 г.р. в с. Кузомень

До сих пор провожают лед – из ружей стреляют, когда ледоход идет. Ну, не все стреляют, трое-четверо мужиков. А народ-то весь выбегает на реку. Маленьких нас тащат и обливают водой.

Или, кто больной, мылись.

Говорили при этом:

*Как ты, кормилица, идешь,
Так пусть болезнь идет,
От раба божьего
(такого-то).*

ХОДИТЕ ЧЕРЕЗ РУЧЕЙ, ГОВОРите...

Записано от Заборщиковой А.П. 1924 г. р. в с. Кашкаранцы

Мать знала приговоры от прихожего, от земли... Учила мать:

– Когда ходите через ручей, говорите: *“Ручеек-кормилец, прости и благослови Рабу божью такую-то, в чем я согрешила”*.

А согрешила – может, подумала

даже что. От мыслей, говорят, еще хуже человеку навредить можно.

В море тоже подумаешь худо – может случиться. Я вот, тоже, подумаю – хоть худое, хоть хорошее – сбудется. Дурная у меня голова такая.

the coast and shot off their guns. And, no wonder, it was a great holiday, the beginning of the catch! When the fish spawned rowlocks were wrapped with rags so that the fish would not be frightened. It's the same as with an expecting woman – when she is giving birth to a child do not disturb her!

In the autumn there was a great holiday celebrating, the autumn catch of the salmon. This was a day of public prayer. They set the table with the necessary fish courses: at first perch, then pike, then 3 or 4 kinds of other fish courses. At the end they would serve *kulebyaka* (a special pie made of fish and flour) in a frying pan. And the head of the salmon would always point forward, as a sign for other fish during the fishing season to enter the river.

SEEING-OFF THE ICE

*A story told by Maria Petrovna
Zaborshikova born 1914 in the
village of Kuzomen*

Even now we see-off the ice, shooting guns during the first flows. Well, not everybody shoots, just three or four men. And all the people run along the river bank. Little children are dragged to the river and powdered with the water. Those who are ill wash in the water, saying, “Oh, you, bread-winner, as you are going, let the illness go away. Illness, leave me, God's slave (*their name*)”.

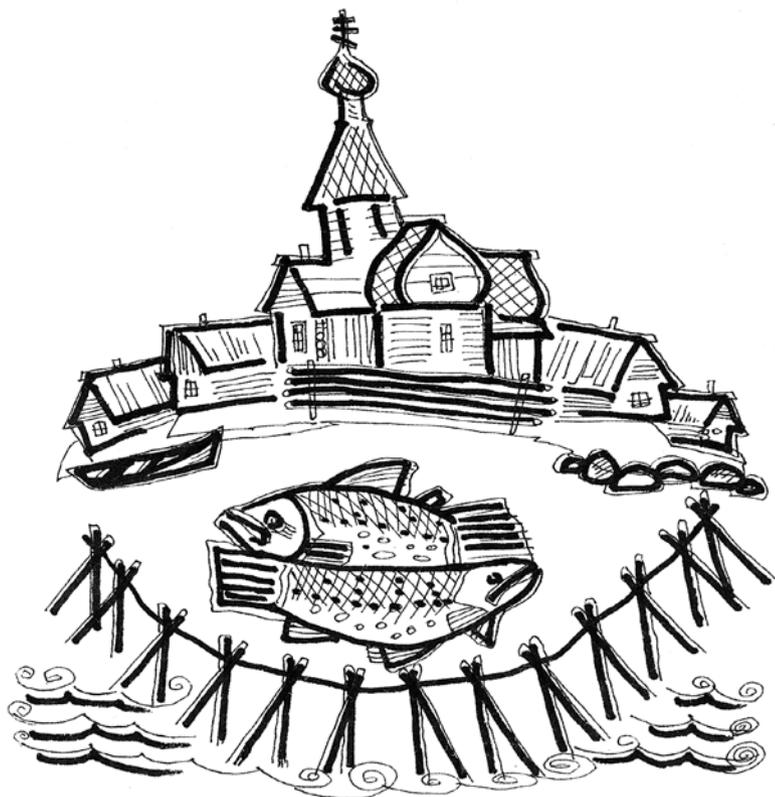
VARZUGA

*A popular belief told by Rimma
Yevgenyevna Zaborshikova,
born 1941 in the Varzuga*

Varzuga is a terrible river. Every year it takes one man. And if one year it takes four people, then the following three years you can live quietly, nobody will drown. Mothers pray to Nicola Ugodnic (Saint Nicolas) to have their children spared.

*В СТАРИНУ, КОГДА НЕРЕСТ
ШЕЛ...*

*Записано от Заборщикова В.Е.
1941 г.р. в с. Варзуга*

В старину, когда нерест шел – не ловили предки (в местах нереста не ловили, а в устье, на заходе, конечно, ловили – это основной лов). И даже колокола не звонили во время нереста. А сейчас и вертолеты летают.

Отлавливали щуку, плотву, хариуса, эта рыба питается семужатами. Ее использовали в пищу, а семгу, как самую ценную, – в основном, на продажу. Потом это было запрещено – знаете, как всегда у нас. Разрешишь ловить – лишнее выловят. Только восемь лет назад разрешили.

Еще в XIX-ом веке заводчик Беляев из Умбы срубил на Пане лучший лес – огромные деревья – сплавил все по Варзуге и упустил в море. До сих пор по берегам лежат огромные стволы.

РЫБУ В АРХАНГЕЛЬСК ВОЗИЛИ

Записано от Гундаловой У.Е. 1919 г.р. в с. Кашкаранцы

Ловили, как и сейчас, селедку, семгу, сига. На веслах ходили. Не по одной тоне имели.

Дед мой, Евгений, с 1901 года рождения. Имел шнеку. Это большая лодка. Возили в Архангельск рыбу.

Там купцы идут по ряду:

– Откуда семга?

– С Поноя.

Идут дальше:

– Откуда семга?

– С Терского берега. С Варзуги.

Эту берут: она мелкая, лучше ценится – не такая жирная. Привезут домой муки, товару.

Выходили на лов вдвоем, в карбасе. Это лодка небольшая, из еловых досок. Раньше шивали вицей – можжевельновыми корнями.

РЫБАЦКИЕ ОБЫЧАИ

Записано от Заборщикова П.П. 1935 г.р. в с. Варзуга

Раньше, как ледоход начинается, все выходят на берег – из ружей палят. Как же, большой праздник – начало лова!

Когда рыба на нерест шла, уключины у лодки тряпицей обворачивали, чтобы рыбу не пугать. Это ведь как женщина, когда рождает, нельзя беспокоить.

На Покров большой праздник был. Осенний лов, семга. Уж в

этот праздник общий молебен был. И на стол обязательно все рыбное подавали. Сначала окуней, потом щук, три-четыре перемены рыбных блюд было.

А потом уж под конец в лотке (сковородка) *кулебяку* из семги подают. А голова у семги должна вперед смотреть, чтобы на промысле семга в реку заходила.

ВСЕ ДЕЛИЛИ НА ДВЕ СЕМЬИ

Записано от Заборщиковой М.П. 1914 г.р. в с. Кузомень

На тонях печку делили на две семьи. В сенях *сайвы* строились для хранения продуктов, их тоже делили на две семьи.

Рыбу делили четвертями. Вот, например, в первый раз взрежут рыбу: “костна мосовая, бескостна хвостовая”. А первый раз бросят жребий, кучку наложат, и – кому какая. И каждую осень так и делят. Это та рыба, которая шла в питание, а не в заработок. А уж которая в заработок шла, ту копили. Купцы голландцы-валаамцы рано уж бежат: “Кому будете рыбу сдавать?” Отвечают: “Купцам Заборщикову или еще какому”.

Отходы у нас назывались *путки* и *максы*. *Максы* – печень,

а *путки* – желудки. Топили там русские печи, вот и клали: в одном чугуна *путки*, в другом – *максы*. А потом вынимают и говорят: “Делите”. Мы таскаем, а потом уж делим, опять на четверых. И рыбий жир.

А кишечник *синье* назывался. Его немножко квасили, и из него топился семужий жир. Снимаем в одну чашку, потом уже из нее делят. А нам нальют целую тарелку, отрежут ломтик хлеба, и мы мачим. А чешую мы собирали, шла в *пойво* скотине.

Скотину поили только *пойвом*, кипяченым причем. Никаких отходов не оставалось.

НА ТОНЮ ВХОДИЛИ

Записано от Заборщиковой М.П. 1914 г.р. в с. Кузомень

На тоню ходили всей семьей, со скотиной, и там жили до декабря. На тони (тоне) четыре товарища сидело, кровати по углам стояли, каждый угол назывался "участком", "каждый на своем участке". Мы, дети, кто где спали: на полу, на приставках... Скотина там была, там и дети рождались. На тоню

заходили только с молитвой. Входили – особенно темно когда – идут и кричат:

– Господи, помилуй нас!

Изнутри отвечают:

– Аминь.

Значит можно входить.

У каждой тони крест стоял. Тоню сделали – и приезжали и крест ставили на добычу.

РЫБНЫЙ ПРОМЫСЕЛ НА ВАРЗУГЕ

Записано от Заборщикова А.И. 1924 г.р. в с. Варзуга

Пределов на лов не было. Тогда же не вылавливали как сейчас. Тогда община была какая-то, видимо. Они же собирались заледну ловить.

Были селения, избушки. Какая-то община навредо бригады. Для себя сами перерабатывали. Сдавали купцу Корехову в Кузомень. Богато жили. И там приходили к нам из Архангельска суда. Потом перекупали.

Начинали рыбачить, как река вскрыется. И потом уже ловили до Нового года. Подо льдом сетки ставили... Харва называется. Харвы в избах на тонях коптели. Не было краски-то. Так они черные становились. Не так заметно.

Так и жили с детьми на тонях. Но на тони уходили не сразу...

Как река вскрыется. Сначала заледну (осеннюю рыбу, которая в реку зашла) ловили всем селом. Начиная с Ямы (это два километра ниже по течению) и до восемнадцати километров вверх ходили. И на тонях, и в деревне ловили. А тони по реке были часто – Яма, Черемуха, Колониха, Кица...

В реку-то мусор бросать нельзя. Так вечно. Сами сохраняем... Мы же пьем с ей. Только теперь эти – моторки – ходят.

Отходы от рыбы у нас овечки кушают. Вот рыбу вымоют и они воду-то выпьют. А на тоне там яма есть. В яму отходы закапывают. В реку никогда нельзя было бросать ничего, и в море тоже.

ПРИШЛО ОТ МОРСКОЙ ВОДЫ

Записано от А.Ф. Семенихиной в с. Чаваньга

Матушка болела и болела на всю жизнь. Она пошла на тоню за братом и отцом: напекла хлеба, пирогов, пошла отнести. Пока шла по берегу, волна ногу окатила. Она засмеялась и сказала: «Достала, да немного!» Пока до тони дошла, рвать на-

чало. Муж увидел, что ей плохо. Домой пошли. А на другое утро передочек почернел. И потом прощали ей. Прощал-то ей ручей, а пришло от морской воды. Дядя тогда из Чапомы приехал, начал прощать, да и зажило.

ОХОТНИЧИЙ ПРОМЫСЕЛ И ОЛЕНЕВОДСТВО

Охотничий промысел был у поморов подсобным. Охота велась, в основном, на пушного зверя зимой. В Варзуге за каждым охотником был закреплен определенный участок, размером примерно сорок на сорок километров. На этом участке находилась охотничья избушка. Летом не охотились, давая возможность животным вывести потомство.

Оленеводство поморы, очевидно, переняли у саамов. Использовали оленей, в основном, для

транспортных целей и даже заготавливали им корм (ягель). В рассказах об оленеводстве привлекает внимание парадоксальный факт: чем больше оленей было в хозяйстве, тем меньше ягеля приходилось заготавливать на каждого. Это связано с тем, что нескольких оленей можно было отпускать на вольный выпас.

Система вольного выпаса, перенятая у саамов, приводила к более рациональному использованию природного ресурса.

HUNTING AND REINDEER BREEDING

Hunting was secondary work, mainly of fur-bearing animals during the winter. In Varzuga every hunter had a specific hunting ground, around forty square kilometers in size, as well as a hunting hut. In the summer people didn't hunt, which allowed the animals to breed.

The Pomors also bred reindeer. Their open pasture system led to the rational use of the natural resource.

Сани на Терском берегу всегда были обычной телеги и колеса, но теперь в них чаще ставятся ни лошадь и ни олень, а снегоход "Буран".

Sledges were always been more typical at the Tersky Shore than a cart but nowadays you are likely to see them pulled by snow-mobile "Buran" (blizzard) rather than horse or reindeer.

HOW REINDEER WERE BRED IN VARZUGA

*A story told by A.I.Zaborshikov
born 1924 in the village of
Varzuga*

Reindeer were used for transportation, delivering hay and carrying wood.

Each family had from two to twenty reindeer. During the summer they were free to roam and usually headed to the seashore. In the autumn they were gathered again.

For the one reindeer forty carts of reindeer moss were stocked up. In the forest a pit was dug for the moss and re-filled when necessary.

The more reindeer there were, the less moss per reindeer you needed. For a one reindeer you needed a big store, but if you had many you could let them feed in the forest. If you had ten reindeer, you could ride one and let the others feed by themselves.

ОХОТНИЧЬИ ОБЫЧАИ

Записано от Заборщикова П.П. 1935 г.р. в с. Варзуга

Раньше летом у нас мяса не ели. Не охотились и овец не забивали. Лето то короткое, вывести детенышей и подрастить еще не успевали.

У нас озеро есть, там уток-чернух очень много, так летом на то

озеро ходили, а уток пальцем не трогали. Они уж большие, а летают плохо – камнем убить можно. А не били – берегли.

КАК ОЛЕНЕЙ РАЗВОДИЛИ В ВАРЗУГЕ

Записано от Заборщикова А.И. 1924 г.р. в с. Варзуга

На оленях ездили. Сено возили на оленях, дрова. У семьи было у кого по два, у кого – по пятнадцать-двадцать. На лето отпускали, оне (они) сами у моря ходят. А осенью их собирать ездили.

На одного оленя сорок возов ягеля заготавливали. В лесу яму

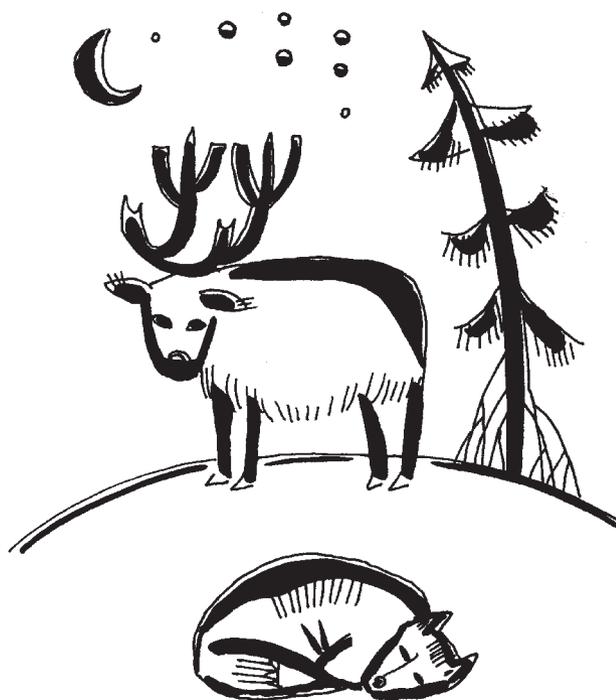
делали для него, а потом, как нужно, – привозили, а так, чем больше оленей, тем меньше нужно ягеля. Это на одного столько копают, а когда много, так их в лес отпускают. Если десять оленей, на одном выехал, другие сами кормятся. Один-то олень – очень редко.

HUNTING CUSTOMS

A story told by Petyr Prokopievich Zaborshikov born 1915 in the village of Varzuga

In the old days meat was not eaten in summertime. We did not hunt and did not slaughter sheep. Summer was short, you see, there was barely enough time to breed and raise the youth.

We have a lake where there are many black ducks. In summer people went to the lake but did not touch the ducks, even though the ducks were big and easy to kill with a stone. We did not hurt them, we protected them.

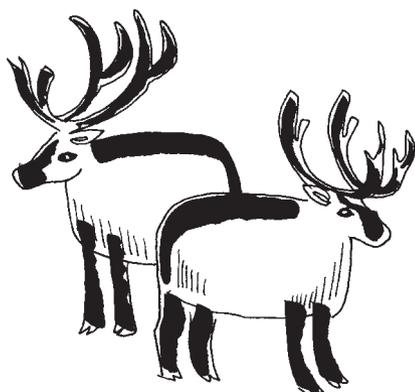

ОХОТИЛИСЬ...

Записано от Заборщиковой М.П. 1914 г.р. в д. Кузомень

Охотились на куницу, лисицу, песца – капканы ставили. На куропаток, на глухарей – силки. На медведя – ружье. Брали шкуры, мясо не ели (птиц только на мясо). Не было ни

избушек особых, ни хозяйства своего. Уходили километров на пятьдесят от Кузомени. В лесу не ночевали – возвращались к вечеру.

ОХОТА

Записано от Заборщикова А.И. 1924 г.р. в с. Варзуга

Охотники были зимой токо (только), а так они все на рыбалках. Основное-то была – рыбалка, кормила-то – рыбалка.

Охотились в основном на белку, куницу, лисицу. Ружье-то не у каж-

дого было. На куницу с сетью охотились. На лису с капканом. Зимой далеко уходили на оленях. Место у каждого было свое. У каждого была избушка в лесу. Участок километров сорок на сорок, а может и больше.

ТРАДИЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И СОХРАНЕНИЯ РОДНИКОВ

Родники, по славянским поверьям – “глаза земли”, впитавшие особым образом ее силу. Традиция связывает с ними особые предания, приметы, целебные свойства. Конечно, в культуре поморов, почитающей воду, родники не могли остаться без внимания.

В Варзуге, например, чай, приготовленный из ключевой воды на Петров день, считался особым праздничным напитком. В Тетрино и Пялице воду для питья вообще старались брать только из родников, а на праздники и для гостей набирали воду из святых ручьев. Считалось, что в них самая лучшая

вода. В Кузомени, принимая гостя, прежде всего подавали ему чай из родниковой воды. Гость считался очень значимой фигурой, “посланцем богов”, поэтому и угощать его надлежало по высшему разряду. На Терском берегу, где заезжие люди были редкостью, эта традиция сохранялась особенно долго. Таким образом, гость и родниковая вода оказывались достойны друг друга. До сих пор на Терском берегу воду из любого источника надлежит брать с молитвой.

Практически во всех обследованных населенных пунктах нашей экспедицией были выявлены так называемые святые источни-

TRADITIONAL USE AND PROTECTION OF SPRINGS

The Pomors lived as a closed community, which gave them a subtle awareness of the peculiarities of their environment. One example of this attitude was their special relationship with their freshwater springs. At this point it is necessary to stress that in the stories told by the elders it is often impossible to determine which beliefs were based on fact and which were purely myth and tradition.

In Varzuga, for example, tea prepared with the spring water was the drink for celebrations and was served on Petyr Day. In Kuzomen the guest was always offered this special tea from spring water. The guest was considered a messenger of the gods and was treated royally. Even now on the Tersky Shore water from the springs is taken with a prayer.

Practically all settlements in the region had discovered the so-called “Saint Springs”, whose water was used for medicinal and preventive purposes.

The most expressive tales of the elders were devoted to the Dogs’ Spring, which was popular for centuries among coastal inhabitants, and is located about three kilometres from Varzuga.

Within one kilometre from the Spring it was forbidden to speak or laugh, and visits were only permitted during the first

*В глубоких “журавлях” Сосновки даже в августе сохраняется подземный лед.
In deep crane-wells of Soshovka village even on August one can see underground ice.*

ки, вода которых использовалась в лечебных и профилактических целях. На основании наших данных можно классифицировать родники терских поморов по уровню целебности и их лечебной специализации.

Яркие и выразительные рассказы посвящены Собачьему ручью в Варзуге. Издавна он пользовался большой популярностью среди жителей Терского берега. Находится он приблизительно в трех километрах от Варзуги.

Примерно за километр до Собачьего ручья нельзя разговаривать и смеяться, ходить туда можно только в первой половине дня... Хочется подчеркнуть, что невозможно в этих рассказах определить, что является непременным условием повышения полезности воды, а что действи-

ями чисто ритуальными. Дорога на родник – ухоженная. Через лесные речки перекинута мостики, то есть за источником следят.

Считается неприличным ходить туда большими толпами, и группа должна состоять не более чем из двух-трех человек. При опросах варзужан мы с удивлением узнали, что многие были там по одному разу за всю жизнь.

Поход на Собачий ручей должен быть продиктован действительно серьезной необходимостью, и местные жители хорошо это понимали. Родник служит для лечения очень серьезных заболеваний. Другое дело – приезжие, родственники, туристы. Они, разумеется, стараются как можно тщательнее соблюдать обычаи, но ходят на родник

half of the day, before evening. The spring itself resembles a small lake with underwater sources. Equipment for getting water includes a small wooden deck and a special stand with scoops hanging from it. And next to the spring there is a wooden cross, erected by a healed man who had pledged to build the cross if he was cured. The spring also had a fortune-telling function – a visitor could predict his or her future as well as the health of his relatives by the strength of the spring's flow.

Each of the village inhabitants interviewed for this article had been to the Dogs' Spring at least once in their lives. A visit to the spring was paid only in case of utter necessity, and everyone understood that rule. The spring cured very serious diseases. Today this rule is not upheld by tourists, relatives, and visitors who go to the spring for preventive measures and out of curiosity.

WHILE CROSSING THE
SPRING, SPEAK WITH IT
*A story told by Anna Petrovna
Zaborshikova born 1924 in the
village of Kashkarantsy*

My mother knew the charms against strangers, passers-by, and against the ground.

She taught me,
– While crossing the stream, speak with it, "Little stream, bread-winner, forgive me and bless God's slave Anna. Forgive me my sins".

Perhaps I had evil thoughts, which, they say, can be even more harmful. When you are on the sea and you think something

bad, the bad thing can happen. Sometimes when I'm thinking both the good and the bad can come true. Such an evil head I have.

THE SPRINGS

A story told by Mariya Petrovna Zaborshikova born 1914 in the village of Kuzomen

There were springs in every village. In the old days people only drank tea brewed with spring water. Our parents told us,

– If a guest arrives you should not ask whether or not he wants tea, you should simply heat up the samovar and if he doesn't want tea, let him have it his way. If the guest arrives and there is no spring water left, you should run to the neighbours to borrow spring water. Never use water from the well.

Water from the well was used for washing. Old people now still don't drink from the well.

The spring water was taken from the coast, near the sea. Every Saturday the whole village would clean both springs, both this one and the Bear's Spring. We threw coins into them. Springs ran in every village. But the special ones were Dogs', Kashkaransky (Cross) and Bear Mountain.

THE DOGS' SPRING

A story told by Yelikonida Nickitichna Zaborshikova born 1910 in the village of Varzuga

People from all villages go to the Dogs' Spring to bathe. The source of the spring is a healing place for a man. People throw money into the Spring. In order to be healed, you must bathe three times. I used to have a friend from the village of Olenitsy who used to come to the Spring. She had a problem with her eyes. She came to the Spring two times, taking one bath during the first visit and two baths during the second. And it worked.

*Крест на святом ручье у села Тетрино.
The cross near Tetrino village's saint stream.*

чаще для профилактики или из любопытства.

Сам родник представляет собой небольшое озерцо с подводными ключами. Перед ним небольшой деревянный настил, чтобы удобно было зачерпывать воду. Рядом стоит деревянный православный крест и подставка с висящими на ней ковшами. С установкой креста связана особая легенда: человек обещал поставить крест в случае выздоровления.

Интересно, что источник выполняет также гадательную функцию. По тому, как сильно бьют родники, пришедший узнает о своем здоровье и здоровье своих близких.

Святыми считались также ручьи рядом с Тетрино и около Пялицы, Серебряный ручей. За водой из них приезжали рань-

ше из соседних деревень. Здесь мы узнали, что ступать в ручей ногами или мыть в нем руки нельзя. Беря воду, читали молитву и бросали в ручей три травинки – в благодарность.

Также был распространен обычай, отдавать ручью в награду за исцеление золотые и серебряные украшения или монеты, отсюда пялицкий ручей получил свое название Серебряного. Ставились и благодарственные кресты.

Сейчас крест есть только у тетринского святого ручья, впервые поставленный здесь в 1895 году Александром Николаевичем Тушковым и его отцом. В начале XX-го века у этого ручья также стояла избушка "часовенка", в которой были иконы, и куда люди приносили свои дары.

РОДНИК В МЕДВЕЖЬЕЙ ГОРЕ

Записано от Заборщиковой М.П. 1914 г.р. в д. Кузомень

У нас был родник в Медвежьей горе, сорок пять ключей било. Обкатывались, кто давал какой-нибудь завет. Ну, например, кто-то болеет. “Если Бог поможет, то сходи обкатиться”.

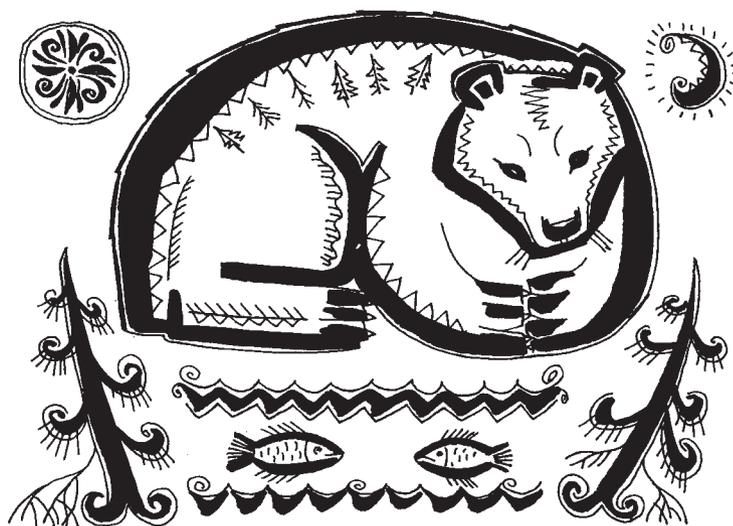
В праздник Тихвинской Божьей Матери ходили на тот ручей.

Денежки кидали. Если больному на поправку – вода успокоится, если не на поправку – сильнее забьет. И любое спрашиваешь: если к усилению – сильнее бьет. До полудня ходили раньше.

У меня, у бабушки, рука болела. И дедушка сказал: “Если у жонки

поправится рука, я в Медвежьей горе поставлю крест”. Поставил там крест.

Ныне, наверно, нет его. Раньше ключи выше били. Теперь не расчищают – некому.

НОЧЬЮ НА РЕКУ НЕ ХОДИЛИ

(поверье)

Записано от Заборщиковой М.П.

1914 г.р. в д. Кузомень

Вечером, после десяти-одиннадцати, ни в колодец, ни на реку не ходили. Говорили: “Вода отдыхает”.

ВАРЗУГА (поверье)

Записано от Заборщиковой Р.Е.

1941 г.р. в с. Варзуга

Варзуга – страшная река. Каждый год по одному человеку берет. А если в один год четырех человек унесет, потом три года спокойно, никто не тонет.

Матеря-то Николе Угоднику молятся, чтобы он их детей уберег.

СОБАЧИЙ РУЧЕЙ

Записано от Мошниковой Е.И. 1922 г.р. в с. Варзуга

Он у нас очень давнишний. Спокон века он там. Приезжали из других сел. Если там кто-то заболит, дают обет:

– Если я съезжу на Варзужский целебный родник, то, может, я поправлюсь.

Зимой на оленях брали воду, если кто-то заболел, или на лыжах ходили. Зимой-то не окачивались, а летом-то все окачиваются. Приходят к роднику, ключи заходят, заходят и останавливаются. И смотрят,

хорошо ли заходят. Если хорошо, это – к здоровью.

Вот я расскажу такой случай. Мне шесть лет было. У моей тетки Кристины девочка болела корью, ослепла. Пришла бабушка к моей матери и говорит:

– Дай девочку для веселья, в лес сходить.

Что же они там говорили у ручья? Только бабушка взяла воду и сказала: “Санька помрет!”

И действительно, она померла.

Кресты стоят: те, кто исцеляются, – ставят.

Тут озера есть Попово и Оникино, оттуда ручеек вытекает и чуть пониже – болотина там, называется Котел-родник. В зарослях – Детский родник. Воду оттуда берут, подогревают и моют детей. Один мужчина, Николай Петрович, болел. И ему воду с этого родника носили, и он исцелился.

РОДНИКИ

Записано от Заборщиковой М.П. 1914 г.р. в д. Кузомень

Ключи были во всех деревнях. Раньше у нас только с родника пили чай. Родители говорили:

– Если человек пришел – вы ничего не спрашивайте, а самовар сразу ставьте: не будет – не будет.

Если родниковой воды не хватило – скажем, гость пришел – то к соседям за водой идут, а из колодца ни за что не возьмут. Из колодца стирать брали. Старики не пьют и

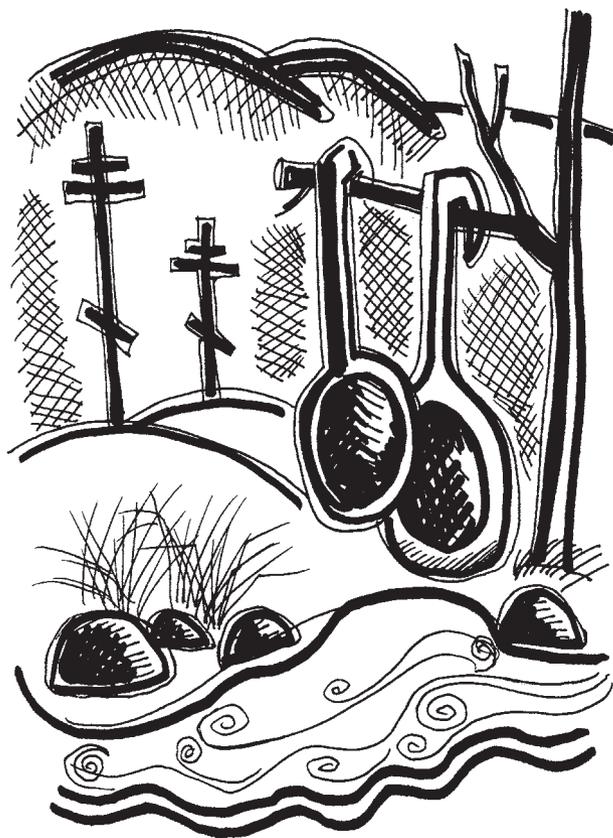
сейчас из колодцев. Мы брали не с Медвежьей горы воду, а поближе – на том берегу тоже, но у самого моря.

Мы оба родника, и Медвежий, и этот, чистить каждую субботу ездили (селом). Монетки в оба бросали.

Во всех деревнях ключи били. Но особенные: Собачий, Кашкаранский (Крестовский) и Медвежья гора.

У Собачьего ручья. Near Dog's spring.

РОДНИК НА КРЕСТОВОЙ (предание)

*Записано от Заборщиковой А.П.
1924 г. р., в д. Кашкаранцы*

Был родник у тони Крестовой. На престол отовсюду, даже с Пулоньги пешком, приходили. Девятого июля – святителя Филиппа престол. Седьмого – в Оленице престол – туда шли. Часовня на Крестовой есть – с родника идут и заходят. Крест там был.

Если на житье – в родниках вода-то закипит, а если не на житье – вода не кипит. Говорят, когда окачиваются: “Дай Бог здоровья рабе божьей такой-то”.

Тетушка слова знала, двух чокнутых привели к ней. И та направила Лукерью нашу, на воду как-то наговорила, и обливали. А другую лечить не стала: двоих нельзя. Посмеялись они, говорят, над каким-то карелом, стариком.

Старушка в Варзуге тридцать лет лежала, высохла, как треска. Поругалась с ижемцем каким-то. Сказал он: “Я какой-нибудь тебе буду”.

ДОБЫЧА ЖЕМЧУГА

Добыча речного жемчуга – один из наиболее специфичных местных промыслов недавнего прошлого. Наиболее развит он был на Варзуге, в которой и по настоящее время обитает крупнейшая в мире популяция речной, или европейской, жемчужницы.

Древность промысла отражена в предании о том, что жемчуг, украшавший парадное платье Ивана Грозного, которое хранится в Грановитой палате в Кремле, привезен с Варзуги. Отделка окладов икон Соловецкого монастыря, сельских храмов Терского берега также не обходилась без жемчуга, им же украшались народные костюмы. Интересно, что жемчуг как свадебный символ используется в традиционных песнях варзужского хора. В песне “Уж ты, камка...” прямо указывается, что жемчуг на

ожерелье – ритуальный подарок жениха невесте перед свадьбой. Существовала классификация жемчуга: “скатный” – круглый (катается по блюдечку во все стороны); “бочечка” и “плашка” – соответствующей формы.

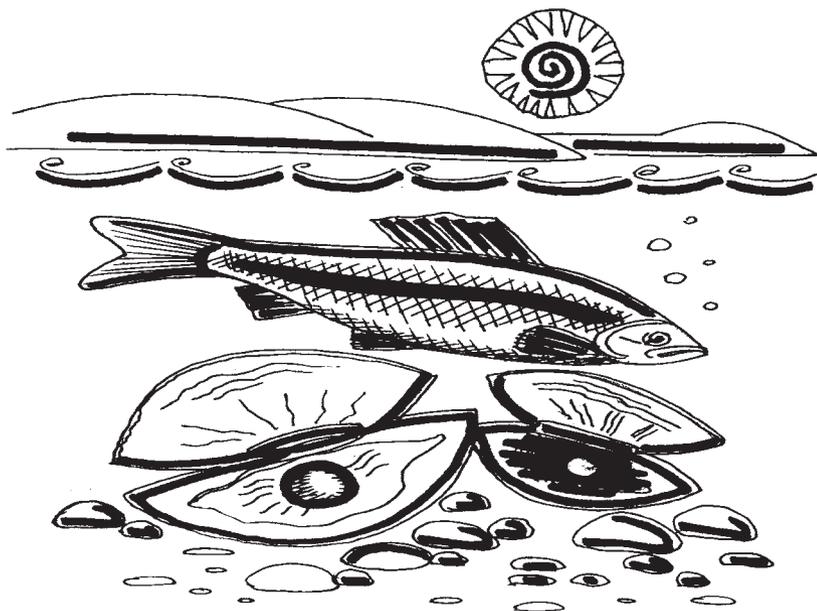
По поморскому обычаю, старательская удача требовала вознаградить место, пославшее добычу. По берегам реки стояло множество “обетных” православных крестов. Ставили их в том случае, когда попадались жемчужины идеальной формы и чистоты. У людей, незнакомых с традицией обета, кресты на реке вызывают ассоциации с могилой или местом чьей-либо гибели. Но тут все наоборот. Эти кресты – знаки не скорби, а радости и благодарения всевышнему за гармонию мира. До нашего времени на реке сохра-

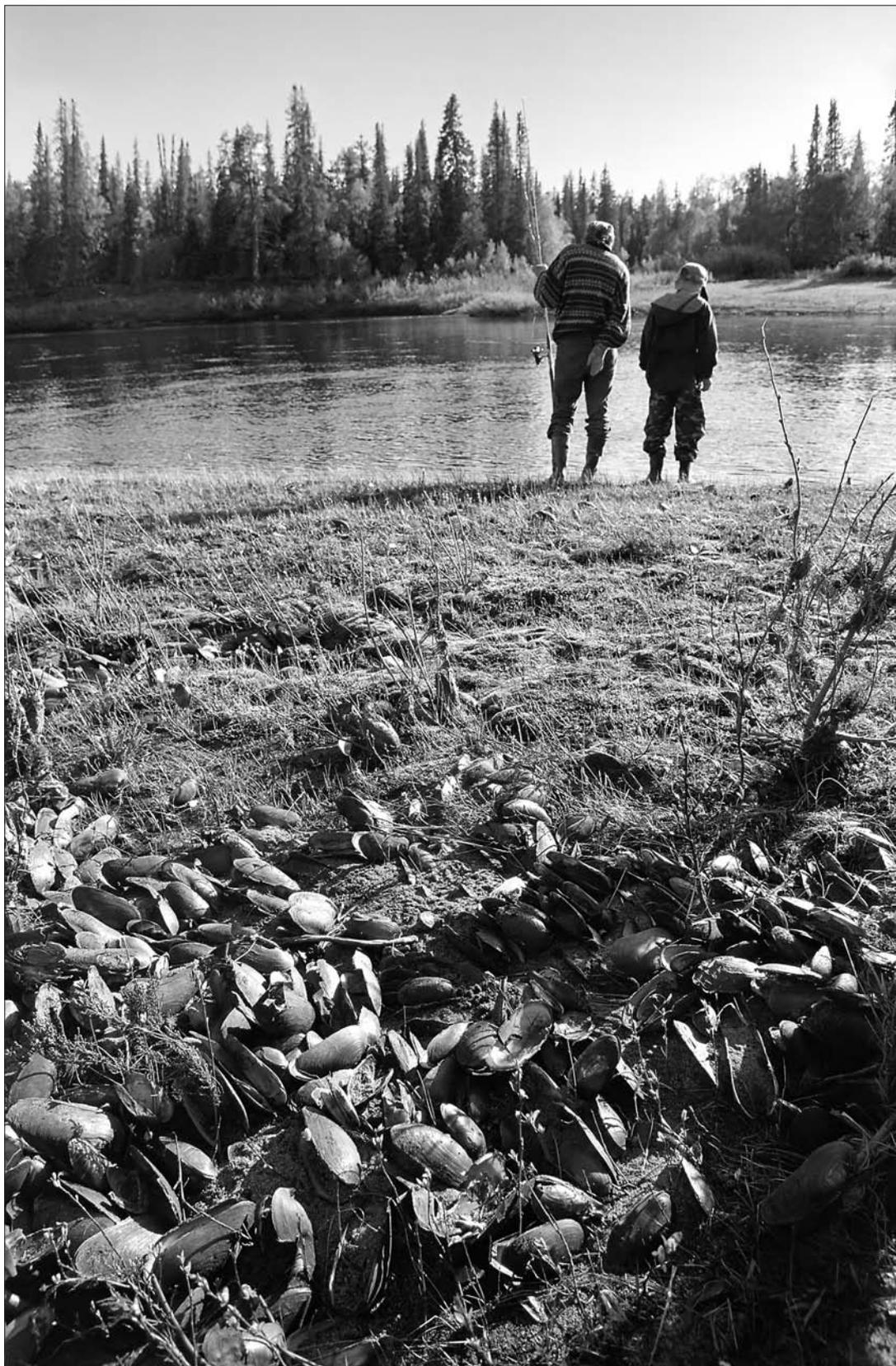
PEARL HARVESTING

Harvesting river pearls is one of the most peculiar local trades of the recent past. It was most widespread on the banks of Varzuga in which there still exists the world's largest population of the European freshwater pearl-oyster (*Margaritifera margaritifera*).

Pearl bead-work is a very ancient craft: according to a legend, Ivan the Terrible had his ceremonial dress embroidered with the Varzugan pearls (now it is exhibited in the Kremlin Hall of Facets). Pearls adorned icon framings of the Solovetsky Monastery and village churches of the Tersky Shore. They were also used in decoration of traditional clothing. Interestingly, pearls serve as a marriage symbol in Varzugan folk songs. In the song “Uzh ty kamka...” the bridegroom offers his bride a pearl necklace – a ritual wedding present.

Actually, the man's economic dependence on the natural resources didn't make the former feel inferior, but on the contrary, increased his respect for the nature. If a pearl-collector had good luck, the Pomor custom required to offer a token of gratitude to the place that had sent him a fortune. This tradition is witnessed by numerous orthodox “crosses of pledge” along the Varzuga banks. They were placed in the rare cases when pearls of ideal form and cleanness were found.

*Весной на некоторых
косах по реке
Варзуге можно
видеть множество
жемчужниц,
выброшенных
на берег льдом
и половодьем.
Такие случаи,
причины которых
– естественные,
скорее радуют, чем
огорчают. То есть
река по-прежнему
полна жемчугом, как и
годы назад.*

*In spring the banks of
Varzuga-river are stud-
ded with pearl oysters,
stranded by ice and
floods. Such phenom-
ena, which have natural
causes, evoke joy rather
than sadness. This
means that the river is
still as rich in pearl as it
used to be ages ago.*

нились лишь некоторые из старых крестов, но взамен упавшим в тех же местах ставятся новые.

В наши дни стали известны любопытные факты о “взаимовыгодном сотрудничестве” семги и жемчужницы. Личинки моллюска часть жизненного цикла проводят на жабрах лососевых рыб, в свою очередь взрослые моллюски обеспечивают семге нужную чистоту воды, фильтруя ее через себя. Временный паразитизм личинок угнетает молодь семги, замедляя рост мальков, но повышает их сопротивляемость к другим, более опасным, заболеваниям. В реках, где жемчужницы нет, молодь семги – менее жизнестойкая. Так что

между обилием семги и жемчужницы в реке есть прямая связь.

Поморы могли лишь опосредовано знать об этом или не подозревать вовсе. По крайней мере, горы брошенных на берегу ракушек, следов жемчужного промысла, справедливо возмущали некоторых путешественников прошлого.

Следует отметить, что уже в 19 -ом веке промысел этот слабо оправдывался экономически и велся попутно в свободное время. В наше время он запрещен полностью, а речная жемчужница занесена в Международную Красную книгу и Красную книгу России.

ЖЕМЧУГ

Записано от Мошниковой Е.И. 1922 г.р. и Горевой Е.В. 1928 г.р. в с. Варзуга

А вот, например, у нас по Варзуге реке доставали жемчуг.

И если вот в каком-то месте достали хорошую жемчужину Вот, например, у дяди моего, у родного. Достали они с женой жемчужину. В то время она двести рублей стоила. И тут они ставили крест. Вот по

реке напротив того места и ставят крест.

У нас один мужчина в Москве в Грановитую палату сходил. И там на одеждах Ивана Грозного – варзужский жемчуг.

Говорит: “Вот сразу родина мне и вспомнилась”.

There was a special classification of pearls: *skatny* – the one which is round and can easily roll on a plate, *bochechka* (barrel-shaped) and *plashka* (billet-shaped).

People unfamiliar with this tradition associate these crosses on the pearl-river with grief and death, often thinking it is someone’s grave or a place of a fatal accident. But it’s just the opposite! These crosses are signs of joy and gratitude for the world’s harmony and kindness! Just a few of them have remained on the river banks until present days, but in the place of crosses that collapsed new ones are put.

Interesting facts have been recently discovered about the biology of salmon and pearl-oyster co-existence. Larvae of the latter spend the last part of their life-cycle on gills of salmonids, and adult mussels, in their turn, provide the salmon with the required purity of water by filtering it. Temporary parasitism of larvae oppresses the young fish, impeding their growth, but increases their resistance to other dangerous diseases. In rivers void of pearl-oysters young salmon are less robust, this proves that there is a direct connection between abundance of salmon and pearl oyster in the river.

The Pomors could only know that either by chance or not at all. Piles of shells left on the river banks after pearl harvesting roused justified indignation in some travellers of the past. It’s worth noticing that as early as

in the 19th century this trade brought little economic profit and was practiced sporadically, in spare time. At present it is completely forbidden and the pearl-oyster is included in the International Red Book and the Red Book of Russia.

CROSSES OF GRATITUDE

*A story told by Yalikonida
Nikitichna Zaborschikova born
1910 in the village of Varzuga*

“We used to collect pearls in our river. If you get a good one – you ought to thank your good fortune, so we kept our promises and set crosses. Along Pana-river that runs into Varzuga you could see dozens of them!”

As the Varzugans never missed the opportunity to use some magic, they as well set crosses for luck, wishing to find the most beautiful, large and smooth pearls.

PEARLS

*A story told by E.I.Moshnikova
born 1922 and E.V.Goreva born
1928 in the village of Varzuga*

We used to gather pearls in the Varzuga-river. If by fortune one gets a good pearl... For example, my uncle and his wife found a pearl. It cost two hundred rubles in those times. So they put a cross. See – right in front of that place, by the river...

One of our fellows has been to the Hall of Facets in Moscow. And there, on the clothes of Ivan the Terrible he saw the Varzugan pearls. “It made me think of my native land”, he said.

ПО ЗАВЕТУ КРЕСТЫ СТАВИЛИ

Записано от Заборщиковой Е.Н. 1910 г.р. в с. Варзуга

По реке по нашей раньше ракушки доставали. Если хорошая попадет жемчужина – кто как заветит. *Овет* выполняли.

Оветы скажут: “Может, попадет скатная, бочечка”. “Скатная” – катается; “бочечка” – не ката-

ется, но тоже хороша; “плашка” – на месте стоит.

Бывает и не одну задумают, а две или три, и вот по завету кресты ставили. В нашу реку Пана падает, там не один крест стоял, коло десятка было.

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ ТЕРСКОГО БЕРЕГА

Устные рассказы о “встречах с нечистой силой” (мифологические рассказы, былички) – единственный, пожалуй, жанр фольклора, ярко и образно отражающий представления о сверхъестественных существах, для человека традиционного сознания наполняющих и дом, и природу. Характерно, что в этой системе не существует добрых и злых сил. Леший может и помочь, и “водить” (кружить) человека по лесу. Эти существа – явления высшего порядка, с которыми надо правильно себя вести.

В быличках проявляется характерное для народной культуры понятие, что каждая местность имеет своего хозяина. И кроме собственного двора и дома (где, правда, тоже свои духи-

предки, но уже более “близкие”, с довольно-таки хорошо известными обычаями поведения), человек везде – лишь гость. Раз у каждого места есть хозяин, в природе нужно вести себя осторожно, чтобы не нарушить его неведомые законы. В лес лишний раз, “гулять”, не ходили. А если и шли – за грибами, ягодами, на охоту – то на знакомые места, дедовскими тропами.

Лес не был для поморов особенно агрессивной и загадочной стихией, видимо, поэтому и появляются тексты о помощнике-Лешем, который помогает варзужанину соорудить поленницу в лесу.

Терские поморы прекрасно адаптировались в окружающем мире, чувствуя и фиксируя неблагоприятные места в лесу.

MYTHS AND LEGENDS OF THE TERSKY SHORE

Bylichki (true stories) is a peculiar genre that brightly and expressively reflects the Pomors' ideas about supernatural beings.

According to their beliefs, supernatural creatures do exist and live both in houses and in the nature. Characteristically, there are no unambiguously bad or good powers in this system. Leshy (wood goblin) can either help man, for example, by building a woodpile or lead him astray in a wildwood. These goblins are beings of a higher order and you should behave properly and respectfully with them.

Bylichki vividly demonstrate a belief typical for the folk culture, that each locality has its host. Therefore, a man is a guest everywhere except his own house and yard (but even these personal spaces are inhabited by the spirits of ancestors, although these ones are more “domestic” and their habits are quite well studied).

And if it is so, then every man should stick to invisible laws of this or that place. People wouldn't go to a gloomy forest just to relax and enjoy their free-time. They would go to the woods only in case of a real necessity, such as picking mushrooms, berries or hunting and only following familiar paths trod by their “grandfathers”.

Именно с этим связаны рассказы о том, как леший водит. Многообразие форм, которые принимает лесной дух, говорит о том, что различные традиции (в частности, осмысление образа лесного духа у финских наро-

дов) наложили свой отпечаток на поверья поморов.

Хотелось бы обратить внимание читателя на особенность рассказов о гаданиях. В Средней России гадают, как правило, девушки. У поморов, возможно,

в связи с тем, что удача играет особую роль в промысле, обращением к духам (гаданием) занимались и мужчины. Надо сказать, что самые яркие и неожиданные сюжеты о гаданиях связаны именно с этой темой.

ВОДИЛО

Записано от Заборщиковой М.П. 1914 г.р. в с. Кузомень

В Кашкаранцах две недели парень ходил и все как за матерью шел.

А вышел – спрашивают:

– Что с тобой было?

А он:

– Ничего не скажу.

Было ему заказано...

У нас не водило. В Варзуге водило часто. Нарушитель дисциплины один был, скрывался. В амбаре сидел. Рассказывал:

– В амбаре сплю. Но варзужские девки мне покою всю ночь не давали, все пели.

В лесу видели хоровод. Девки ходили в сарафанах...

На прилуках мох драли. И вдруг – едут-едут на лошадях. Свистят-свистят. Мы все бросили и уехали. Говорят: “Водит”. А водит кто?

– Леший!

Как-то с подружкой заблудились зимой. Вытоптали лунку в снегу, туда полезли, говорю:

– Давай платок привяжем к дереву в знак, а то потом и не найдут нас...

Под *сухарой* (сухое дерево) сидим, луна вышла.

И вдруг – едут на оленях, свистят, покрикивают. Мы думаем:

– Нас ищут!

Кричали, кричали, а никто не приехал. Мы пошли туда и вышли. Шесть километров от Варзуги были.

Варзужские потом говорили, никто в то время не ехал.

Леший..!

На тонях водило тоже. Один рассказывал – ночевал на тоне.

Дверь закрыта, вдруг распахнется. По потолку ходили. Ночевал там все же до утра. Утром видит – к дому такое бревно приставлено, что человеку не поднять.

LESHY
(WOOD GOBLIN)

*A true story told by Elikonida
Ioakimovna Moshnikova
born 1921 in the village of
Varzuga*

I don't know whether or not it was a wood goblin, but it happened to Churilov Kolya right before the war.

In the winter they brought the fire-wood to one spot in the forest, where they sawed the logs in order for them to dry before the autumn. They sawed them but did not stack them. One day Kolya went to saw the wood. Out of the forest came a tall, strong man, wearing a wide ribbon across his shoulder.

He asked Kolya whether he was working. Kolya replied that he was. The man took the logs that Kolya had cut, and began to pile them up, one after another, until they were all stacked.

It was impossible for Kolya to do all this work alone, which was the proof that he had been helped. And the man told Kolya not to tell anyone that they had met and that they would meet again. And he saw Kolya off to the river.

Kolya came running home whiter than a cloth. His mother asked him what had happened. At first he kept silent, but after he indulged in a drinking bout, he told this story.

ЛЕШИЙ

Записано от Мошниковой Е.И. 1922 г.р. в с. Варзуга

Я не знаю леший или не леший, но случай у нас был до войны с Чуриловым Колей.

Они навозили зимой дров в лесу в одно место. Вот напилили, чтобы к осени они подсохли. Напилили, а в поленицу не положили. И он (Коля) пошел в поленицу их складывать. Чурбаши такие напильные. Выходит к нему человек. Он (Коля) описывал, но не

велел никому сказывать.

Выходит из лесу человек высокий, сильный такой мужчина, лента через плечо широкая.

– Ну, что, – говорит, – трудишься?

– Да, – говорит, – тружусь.

Полешки, которые Коле вверх положить, он как возьмет – раз и наверх, раз и наверх. Вот доказательство – Коле одному было не

поднять. Ну вот, все сделали.

– То, что, – говорит, – ты меня встретил, никому не рассказывай. Мы с тобой встретимся на таком-то острове, в такое-то время.

И проводил его до реки.

И Николай как припустил, прибежал домой белее полотна. Мать спрашивает: “Что с тобой”?

Он сначала-то молчал, а потом, как запил, рассказал.

СВАДЬБЫ ПОРТИЛИ...

Записано от Заборщиковой М.П. 1914 г.р. в с. Кузомень

На свадьбе испортили как-то и жениха, и невесту. Старик в Чапоне выправлял. Он выправил.

У нас, когда женились, в подпорожье нашли мешочек

с золой, шерстью и иглой. Испортить хотели, кто – не знаю.

Когда молодые от венца идут – может кататься или летать огненный шар. Черти, говорят, катаются.

ЧЕРТ ЛЮДЕЙ ПУГАЛ

Записано от Л. М. Стрелковой в с. Чапома

Мужики едут. Привал был, оленям сухарей дали, прикурить присели. Подходит к ним *некрещеный*.

“Дай закурить,” – говорит. А у самого-то глаза, как у кота, и левая лапа подоткнута.

Они уж поняли, забрани-

лись на него, он и ушел...

Черт людей пугал на реке, а поп вечерню служил, воскресную песню читал. ... Все мостовицы перевернулись, а у церкви удержались.

НЕЧИСТЫЙ ДУХ

*Записано от Гундаловой У.Е.
1919 г.р. в с. Кашкаранцы*

На сенокосе было. Откосили и пошли вечером в лес за грибами. Девушка одна с нами была, мы ушли от нее. Она потом рассказывала.

– Я кричала, а мне будто отвечала какая-то тетенька или кто: “Иди сюда!”. И я за голосом шла. Пролезала меж пеньев под коренья, сама не знаю где. Лес там навален. А тут нигде и лесу то такого нет.

– Это меня нечистый дух звал, – говорит.

Она материлась очень. Вышла к нам, а мы уж ее ждали.

СТАЛИ ОТВОРАЧИВАТЬ...
Записано от Заборщиковой
А.П., 1924 г. р., в с. Кашкаранцы

На тоне Великой свекор сидел да невестка. Ловили. Она пошла за морошкой и *помеределось* ей (показалось), что свекор говорит: "Пошли домой".

Она и пошла, вышла за пятьдесят километров. Сарафан разорвала. Он ее уж нести стал на *кукоречках*. Кто-то, наверное, стал отворачивать ее (молиться). И бросил он ее.

Говорят, на нечистый след ступишь – вот тоже что-нибудь случиться может. А чей след нечистый? Чей угодно, не узнаешь.

У нас в Кашкаранцах ушел за морошкой мальчишка. А Катя, мать его: "Куды его черт несет, пусть идет".

Четыре сутки тоже ходил. Пришел. Тоже стали, говорят, отворачивать его в деревне, а кто – не знаю. Особые слова были. И он вышел.

КАК ПУГАЛО

Записано от Мошниковой Е.И. 1922 г.р. в с. Варзуга

Шли мы как-то по селам, по тридцать-сорок километров в день. В войну. С Умбы шли, с нами люди и мужик в годах, под пятьдесят. Его почему-то звали Коля Вайга. И вот зашла речь о том, как на святки гадают.

Он и рассказывал. Пошел гадать в самой деревне, когда еще моста не было. Взял шкуру оленью и пошел на *росстанье*, где дороги расходятся в разные стороны. Сел на постель, очертился, а шкуру-то взял бычью, а у нее хвостик-то побольше. Ну и вот очертился от корня хвоста.

– Не ходи черт за черту.

А хвоста-то не очертил.

Опять:

– Не ходи черт за черту.

Уж не знаю, какую судьбу он хотел узнать, но вдруг выходит дьяволино из лесу. Как обычно леших нам рассказывали – в сером кафтане, правая лапа подтыкнута, и кричит, и на хвост указывает.

И вот, говорит, захватил дьяволина шкуру за хвост и потащил...

– Я захватился за борта, ничего не вижу и забыл, что надо *очураться* в таких случаях. Когда вспомнил, что надо очураться, очурался. Нигде никого нет, сижу на этой шкуре ... шесть километров от *росстанья*.

ПРО НЕКРЕЩЕНОГО

Записано от А. Т. Кругловой, У.С. Чечениной, Л. М. Стрелковой в с. Чапома

Тоже вот было: пошла женщина. И мужика встретила: пола подоткну-та. У черта пола подоткнута. Так вот, будто тянет ее. Идет за ним, идет...

Перекинуть одежду-то надо на другую, на левую, сторону. Она так сделала. Так он вел, вел ее к горе, потом уж пропал...

Я работала в лесу. Заготавливали сосенки, по грибы ходили. И вот мы по грибы-то пойдём, а мне все:

– Ульянка, ты куда?

Один раз думаю:

– Ну все, убежу.

Пришла с работы в барак, тарелку взяла, по ягоды идти, а мне все:

– Ульянка, ты куда?

Я говорю:

– По грибы.

А они мне:

– Так мы с тобой.

Вышли так, тут были бараки, тут как будто контору строить собирались. Перешли горушку и вот тут бруснику стали собирать. А мне

все убежать хотелось. Вижу, гриб боровик растет, я его схватила, а там еще один. Плат связала, и – гриб за грибом – побежала. Ушла далеко. Поляну знала, найти хотела. Думаю – не откликнусь я вам. Поляну с брусникой я не нашла и бегу дальше в лес.

Думаю уже:

– Куда я бегу-то?

Вдруг сучья затрещали. Я увернулась, гляжу – большой идет, в плату полно грибов. Гляжу, а это Мельников. А он-то в баню пошел, с венником. Видела, шел. Да неужто с тюком грибов уже?

Остановилась. Мимо прошел. Я дальше пошла. Пришла к озеру. Лето было – август, сентябрь.

Я испугалась, бараков не видно. А тут брусники полно. Насобирала полное блюдо, даже покатались ягоды.

Голову подняла – вот бараки-то стоят. Ничего не видела до этого. Если б не Мельников, так ведь и убежала бы в лес-то.

Я на озеро за мохом ушла. Речку вброд перехожу, а со стороны катится на лыжах мужик.

Я хочу поскорей его (мужика) догнать, оленя погоняю, а он-то уперся, никак не идет. Как будто

поближе стало к мужику, а все равно не догнать. Три раза попадался так.

В деревню пришла, девкам говорю:

– Никакой званный не бывал у нас-то?

– Да нет, – говорят, – не бывал.

– Так кто же мне показывался?

– Так некрещеный.

Слышу, кричат:

– Кума, кума.

Думала, Иван Гаврилович, он кум-то мой, идет помогать коров собирать. С крыльца кричат.

Гляжу, нет никого. Ну, я и кричу:

– Каку мать, кум, ты мне сдался!

Потому, как говорят, матюкать надо, чтоб отстало. Все “кума, кума” покричало, да и ушло потом.

С мужем они ягель, видать, копать пошли. С ребенком. Детей-то девать некуда было, они его с собой и взяли. В люльке повесили на сук.

Собрались домой, пошли, так ребенка забыли. Недалеко ушли, вернулись, глядь, а леший, некрещеный, ребенка качает.

Муж ему: “Отдай дитяtko!” А он отошел в лес и захохотал: “Ах-хо-хо-хо!”

СНЕЖОК ПОЛОЛИ (гадание)

Записано от Заборщиковой М.П. 1914 г.р. в с. Кузомень

Снежок пололи на росстани (перекрестке). Становились все на колени, снег – в подол. Гадали по очереди – один гадает, а все лицом вниз лежат.

Говорит:

“Полю, я беленький снежок,
За матушкино здравие,

За батюшкову хлеб-соль,
Залай, собачка,
У суженного на крылечке”.

Ложишься и слушаешь. Где дверь стукнула, в тот конец выйдешь. Едут на оленях – в отъезд – замуж выйдешь.

На росстань и мужики ходили.

КАК ОТВОРАЧИВАЛИ

Записано от

А. И. Веретенниковой в с. Пялица

У нас девка, золовка моя, повело ее, как будто идет дедка Кузьма и кричит: “Иди за мной”. Вел в лес по дороге. Стали отворачивать. Отворотили девку...

ЛЕСНОЙ ДЬЯВОЛ

Записано в с. Чапома от

Августы Владимировны
Алексеевой

Брат у меня рыбачил. Далекo туда ходил, и я с ним. Он пошел уды снимать, и вдруг видит – меж берез что-то белое вьется. И мы все потеряли, и ножи, и все, и домой скорей побежали.

Дьявол здесь в деревне был. Лесной дьявол. Унес с тони Кумжевой девочку-то. И отворачивали. Тесть то ходил за ребенком. Они уехали в море, ребенка на тоне оставили. Он и унес девочку в лес.

Бабушки его (тестя) научили, в каком месте ребенок сидит, с какой стороны к нему подойти: “Возьмешь ребенка, побежишь обратно, не оборачивайся. Беги до тони. Карбас сразу приготовь”.

Он все сделал, так тот (черт) сзади зверем плыл. Ребенка бабушки сразу схватили, переодели, одежду сожгли. К ребенку не липнет (чертовщина).

Потом по баням ходил. Камни разворачивал. Человека видели.

ХОЗЯЙКА ДОМА

Записано в с. Чапома от

Августы Владимировны
Алексеевой

В том доме жила свекровь, и когда ее в Умбу увозили, так она все плакала, уезжать не хотела. Мы вечером, когда легли, спать стали, места не было. Хозяйка дома приходила. То в углу сидела, плакала, потом к печке пошла. Ей свекровь жалко было.

ПРО МОРСКОЕ ЧУДОВИЩЕ

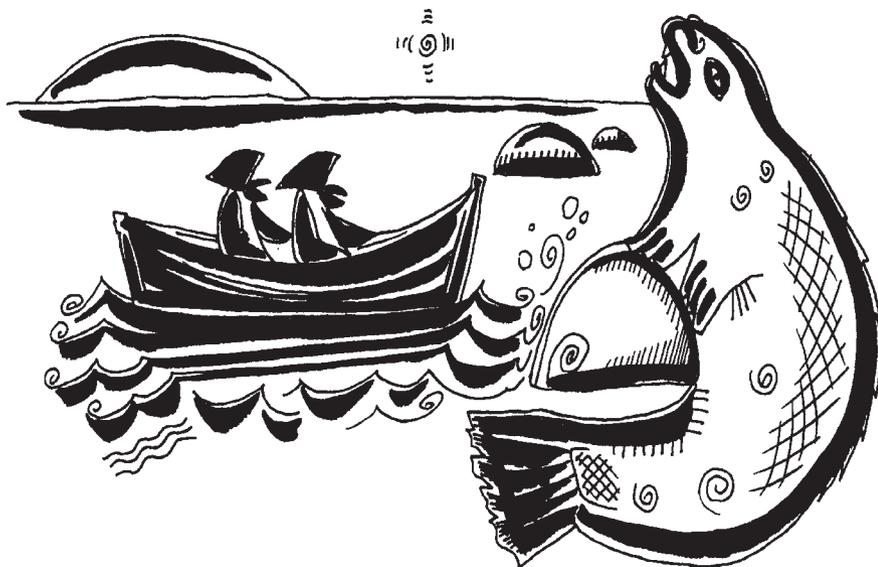
Записано от Гундаловой У.Е. 1919 г.р. в с. Кашкаранцы

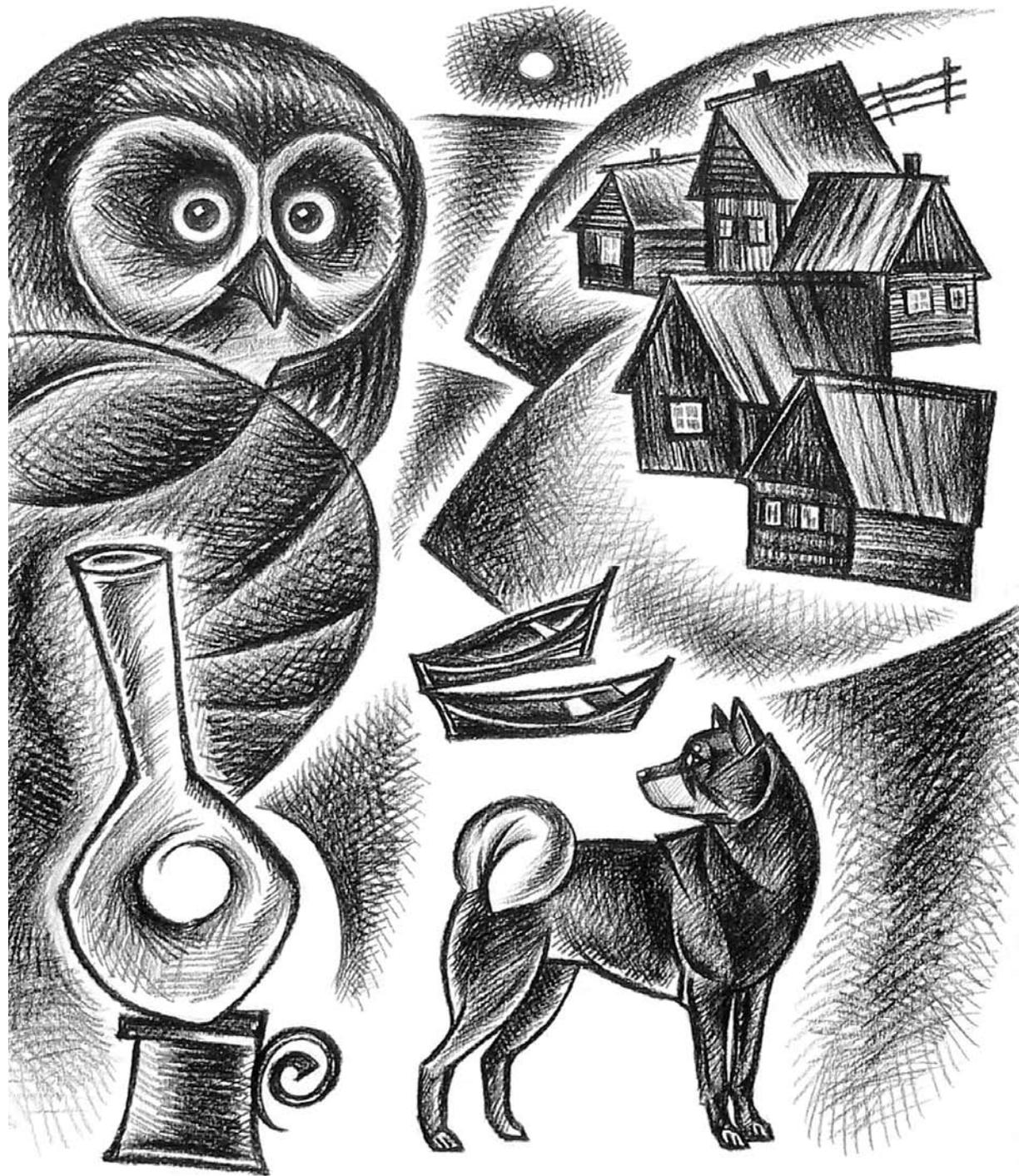
Это было с моей бабушкой.

Ехали старухи с ягодами. Вдруг из воды выплыло чудовище, наподобие тюленя, и ревет по-человечески. И все к лодке подгребает.

Они как дали деру!

Одна упала в лодку, другая гребет. Так и гребли от ево. Большие камни там были. Вот он на камень вытянулся и еще больше заревел.

CURING AND PREVENTING DISEASES BY MEANS OF INCANTATIONS

A word can heal. Our forefathers knew that for certain. In the village of Varzuga (the Tersky region of the Murmansk oblast') there exists a system of magic incantations that accompany a person through whole his or her life.

It all starts in infancy. Every newborn baby in the village has to be protected from evil spirits, illnesses and also be introduced to the surrounding world. A special ritual meant to initiate a child into the Varzuga village community reminds that of christening.

*River-Varzuga,
Nourishing Mother!
Just as you wash roots
And beautiful stones,
Wash all the bad luck
Off my dear child.*

It was called "To steer the water".

In bath houses people used to pronounce incantations while pouring the Varzuga water over themselves "for sound sleep and longevity".

Special incantations were used against illnesses and traumas. Of course there are far more incantations on the Tersky Shore that we managed to collect. But some of them

ЛЕЧЕНИЕ И ПРОФИЛАКТИКА С ПОМОЩЬЮ ЗАГОВОРОВ

Слово лечит. В этом люди убедились еще в древности. В селе Варзуга Терского района Мурманской области существует целая система магических заговоров, которые сопровождают человека всю его жизнь.

Начинается все с младенчества. Как только человек рождается, необходимо оградить его от злых сил и тяжелых болезней, а также ввести его в систему окружающего мира. Человека как бы крестят, посвящают в общину Варзуги.

*Река Варзуга,
Мать-кормилица,
Как обмываешь
Пенья коренье,
Дивно камень,
Также и смой
С моего ребеночка
Все напасти.*

Это называлось "воду направлять". А вот другой заговор:

*Мать-река,
Кормилица ряба,
Девушка в этой реке купалась,
Иван да Марья брали воду,
Раба божья Надя
На крепкий сон, на долгий век,
Во имя Отца и Сына и
Святого Духа.*

Этими словами лечили, если ребенок плохо спит; говорили их в бане, окатывая варзужской

водой. Существуют слова от болезни, травм... Понятно, что заговоров в краю было (и, конечно, есть) гораздо больше, чем удалось нам собрать. Однако часть их явно принадлежит к неразглашаемой информации, в определенном смысле это – собственность рода или общины.

Подобные магические заклинания и действия охватывают все стороны человеческой жизни. Вместе с использованием родниковой и речной воды, другими обычаями и обрядами (см. также главы "Родники" и "Рыбачий промысел") заговоры образуют систему поддержания здоровья и духа человека в гармонии с природой, создают необходимое взаимодействие с нею.

Уникальное значение заговоров также в том, что они воссоздают древнюю "космологию" – представление о строении мира. Ведь, чтобы излечиться, обращаться надо ко всем силам природы – или к самым могучим, важным из них. Ярко проступает это в заговоре, так и начинающемся: "Царь лесной, Царь земной, Царь огненный...".

В заговоре действует магия подобий: как в природе все благополучно, стройно, так пусть и у человека будет. Таким образом человек настраивался на гармонию с природой, а значит – и с самим собой.

ЗАГОВОРЫ

Записано от Мошниковой Е.И. 1922 г.р. и Горевой Е.В. 1928 г.р. в с. Варзуга

Был еще заговор от ветра (*когда надует*). И от испуга. До нас старухи тоже не очень об этом-то распространялись. Но если знахарка моложе, то не надо говорить старой-то.

У нас бабушка была, дак у ней всегда травки всякие были. Она обычно детей мыла в бане травками, от грыжи там. Грыжу тоже заговаривали. У человека есть двенадцать грыж. От всех заговорить надо.

ВОДУ БРАЛИ В РЕКЕ (заговор)

Записано от Еликанды Иоакимовны Мошниковой, 1922 г.р. и Евстолии Васильевны Горевой 1928 г.р. в с. Варзуга

Река Варзуга,
Мать-кормилица,
Как обмываешь
Пенье-коренье,
Дивно каменье,
Так же и смой
С моего ребеночка (*имя*).

Вот у нас бабушка была одна, так сто с лишним *обабила* (приняла детей)!

Тогда воду брали в реке. Ребеночка для здоровья окатывали.

are not supposed to be made public – in a sense, they are property of a clan or a community.

Such magic incantations and acts embraced all aspects of human life. Along with the use of spring and river water, other customs and rituals (see chapters “Springs” and “Fishing”) incantations form a system of healthy living that envisages keeping human body and spirit in harmony with nature and providing necessary interaction with it.

What is also unique about incantations is that they recreate “cosmology”, or the picture of the universe as it was perceived in the pagan times (though with a touch of Christian motifs).

If you want to get cured, you ought to appeal to all the powers of nature, or to the greatest and mightiest of them. It’s clearly seen in the incantation, beginning with “Lord of the Wood, Lord of the Earth, Lord of the Fire...”

The secret of how incantation works lies in the magic of affinity: just as in the Nature everything is harmonious and complete, let the same be to the man!

In other words, incantation helps us tune in with the world’s wonderful and sacral order, never prone to doubt, change and damage, – and thus get cured.

НЕ ТРЯПКУ ГРЫЗУ, А КРОВЬ
ЗАГРЫЗАЮ (заговор на остановку
крови)

*Записано от Мошниковой Е.И.
1922 г.р. и Горевой Е.В. 1928 г.р. в
с. Варзуга*

Берут лоскуточек беленький, скла-
дывают его четыре раза крестом.
Грызут края:

*“Не тряпку грызу,
А кровь загрызаю”.*

А еще:

*“Не тряпку грызу,
А кровь загрызаю”.*

Так – три раза, и крестом к ране
прикладывают.

ОТ УШИБА (заговор)

*Записано от Мошниковой Е.И.
1922 г.р. и Горевой Е.В. 1928 г.р. в
с. Варзуга*

*Царь лесной!
Царь земной!
Царь огненный!
Заговори у рабы божьей
(такой-то),
Все щемоты,
Все ломоты,
Все страданья,
Все болезни!
В небо – ключ,
В землю – замок!*

КОГДА УШИБЕШЬСЯ, УПАДЕШЬ...

*Записано от А. А. Кузнецовой в
с. Тетрино*

Когда ушибешься, упадешь, надо
говорить:

– Чтоб раб божий Виталий Ев-
геньевич не имел ни шепота, ни
ломоты, ни в руках, ни в ногах, ни
в белом теле. Будьте мои слова
плотны, чувственны, Аминь, аминь,
аминь.

Потом намашешь (поводишь ру-
кой над ушибленным местом), пого-
воришь – и все.

А ушибешься и не заговоришь
– при каждой погоде болит.

ОТ ПОЖОГУ (заговор от ожога)
*Записано от Заборщиковой Р.Е.
1941 г.р. в с. Варзуга*

*Свет да заря,
Ключ да вода,
Огонь да слово.*

НА МАСЛО НОЖИКОМ НАЧЕРКАЮТ

(заговор от уразу: "ураз" – удар)

Записано от Мошниковой Е.И. 1922 г.р. и Горевой Е.В. 1928 г.р. в
с. Варзуга

"Сам господь
Был разбит жезлами,
И прибит гвоздями.
У него никогда ничто
Не болело,
Не пухло,
Не ломило,
Не щемило.

И также у раба божья
(такого-то) чтоб
Не болело,
Не пухло,
Не щемило".

На маслице ножиком начерчивают.
И со словами к руке притирают.

ОТ ДВЕНАДЦАТИ ГРЫЖ (заговор)

Записано от Заборщицовой
Риммы Евгеньевны 1941 г.р. в
с. Варзуга

Детей заговаривали от двенадцати
грыж:

"Сама я носила,
Сама я родила,
Сама я грыжи выправляла,
Своими острыми зубами,
Приговаривала
От всех,
От двенадцати грыж,
Грыжу, грыжу черную,
Грыжу, грыжу белую,
Грыжу килочную,
Грыжу мешочную,
Грыжу титочную,
Грыжу плиточную,
Грыжу пуповую,
Грыжу паховую,
Грыжу суставную,
Грыжу хрустальную.
Не ходи, не щупай,
Раба божьего Сашеньку,
Ни по титочкам,
Ни по рученькам,
Ни по ноженькам,
Ни по пашочкам,
Ни по кишочкам,
Ни по мешочкам".

НАДО, ЧТОБ РЕКА ПРОСТИЛА

Записано от А.Ф. Семенихиной в
с. Чаваньга

Учительница была, евреечка. Ей ее
парень сказал: "Река прошла, надо
пойти умыться". Она пошла, умы-
лась, и у нее на лице короста вы-
росла. Она пошла к бабкам, они ее
заговаривали, заговаривали, водой
с источника умывали, а ее умоют,
а у нее короста еще больше. Надо,
чтобы река простила. Она к бабуш-
ке пошла. Та ей заговор написала,
и у нее все прошло.

КАК ВОДУ НАПРАВЛЯТЬ (заговор)
Записано от Заборщиковой Р.Е.
1941 г.р. в с. Варзуга

Ну, вот видишь, как брать воду, чтобы спокойно спал малыш. Может быть и взрослый когда-то, когда забеспокоится, не заспит, бессонница или еще что...

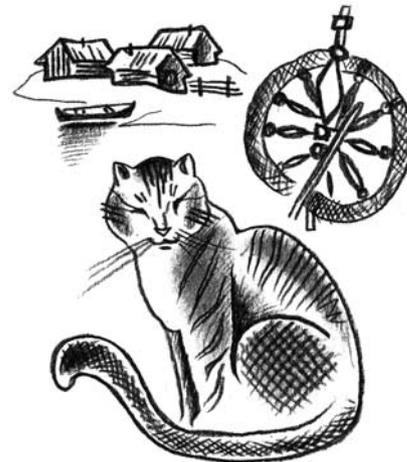
Идут к реке, берут там ведерочко, тебе нужно обкатить или обмыть, придут и говорят:

*Мать-река,
Кормилица ряба,
Девушка в этой реке купалась,
Иван да Марья брали воду,
Раба божья Надя,
На крепкий сон,
На долгий век,
Во имя Отца и Сына и
Святого Духа.*

ОТ ВЕТРУ (заговор)
Записано от Заборщиковой Р. Е.
1941 г.р. в с. Варзуга

*От ветра пришло,
На ветер пойдя,
От людей пришло,
На людей пойдя.*

КТО МОЖЕТ ПОМОГАТЬ
БОЛЬНОМУ
Записано от Заборщиковой Р.Е.
1941 г.р. в с. Варзуга

Ведь сами матеря могут помогать своим детям, только не знают (не знают). У нас одна женщина есть, так у нее даже своих детей нет, а очень многим помогает, действительно хочет добра людям.

ОТ УРАЗУ (заговор)
Записано от Заборщиковой
Риммы Евгеньевны 1941 г.р. в
с. Варзуга

*Царь лесной,
Царь земной,
Царь небесный,
Заговорите все
Мяготы, ломоты,
Досады, болезни
От рабы божьей (такой-то).*

Три раза повторить надо, обязательно. Если внутренности, на чай или на что.

И если удар очень большой, заговаривают. Особенно на масло. И мажут потом это место.

НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ ПОМОРОВ ТЕРСКОГО БЕРЕГА

Солнцестояние, летний и зимний солнцеворот – даты, к которым обычно приурочены наиболее значительные праздники многих земледельческих народов. Народ неземледельческий, поморы, утратили или сильно упростили большую часть общерусских праздников аграрного цикла. По воспоминаниям, почти не праздновались Масленица, Троица и другие столь обычные в Средней России календарные праздники.

Однако, в полной мере сохранился здесь центральный в годовом круге *Рождественско-Новогодний* цикл праздников, изначально приуроченный к зимнему солнцевороту. “Солнце на лето поворачивает” – могло ли такое событие остаться незамеченным у живущих в полярной ночи?

Переломный момент года – лучшее время для заклинания будущего, для магического воздействия на силы природы. Отсюда обычай колядовать – обходить дворы, славя хозяев и дом, как бы считая заклинаемое благополучие уже осуществленным. На Севере России колядование под влиянием христианства во многих местах превратилось в “славление Христа”. Но языческая суть праздника отчетливо проступает в том, что детям за пение молитвы дают “козули” и “тетеры” – обрядовые печения, изображающие домашних и промысловых животных. Знаменательно! В Средней России – только коровки, козы, бараны, а здесь – еще и олень, лось, тюлень, медведь... Это тоже заклинание достатка, удачного промысла.

FOLK CALENDAR OF THE TERSKY SHORE

Summer and winter solstice are the dates to which the most important holidays of agricultural peoples are timed. Pomors, who were little involved in farming, lost or rather simplified the majority common Russian festivals of agrarian calendar. For example, the Maslenitsa (Shrovetide) and the Troitsa (The Holy Trinity Day) are celebrated seldom. Yet, the most significant holidays of the Christmas -New-Year cycle, originally timed to the Winter solstice, are widely celebrated here. “The sun turns to summer” – how could those living in the polar night miss such an event?!

The turning-point of the year is the best time for divining the future and casting spells over the powers of nature. The ritual of *kolyadovanie* was of the same origin: villagers, mainly children and youth, went from one yard to another, praising hosts and inviting good fortune in their houses. Under the influence of Christianity, *kolyadovanie* in the Russian North developed into “praising Jesus”. But the pagan features can be observed in the custom of thanking children for their songs by giving them *kozuli* and *tetery* – ritual cookies in the shapes of domestic and wild animals. *Kozuli* were believed to bring good luck and prosperity in hunting, fishing

and other important occupations. Interestingly, the choice of the animal images depended on the location: in middle Russia there were cows, goats, sheep, and on the Tersky Shore – reindeers and elks, bears and seals.

The turning point of the year was also the right moment to ask about your future. While in central regions of Russia it was mainly girls who practiced fortune-telling (usually to ask

В поворотный момент года полагалось спрашивать о судьбе. И если в центральных районах России гадали в основном девушки, то в Поморье многочисленны воспоминания о гадании мужчин, и этой теме посвящены, пожалуй, самые яркие сюжеты быличек о гаданиях. Судьба промысловика сильнее, чем урожай земледельца, зависит от удачи, случая.

Один из самых загадочных обычаев новогоднего цикла – ряженье. Здесь оно имеет другое на-

звание – *“шелюхонами ходить”*. Не существует единого мнения о ритуальном смысле этого обряда. Новый год считался точкой, где стирались границы между мирами – человеческим, “своим”, и “чужим”, неизведанным, темным миром сил потусторонних и природных, откуда приходят и куда уходят души... Ходящие ряжеными, говорящие не по-обычному уподоблялись существам из “чужого” мира, душам предков. Отсюда – ряженье в зверей, ведь

тотемный предок, воспоминания о котором сохранились в обрядах почти всех народов, зооморфен. Интересно, что у поморов, кроме традиционного ряженья в “медведя”, находим также ряжение в “оленья”. Так древнейший обряд преломлялся на новой почве.

В Варзуге существует особый промысловый праздник – Покров. Этот день отмечается и в Средней России, но там его роль гораздо меньше. Здесь же он совпадает с началом главного в году, осеннего, лова семги. Как всегда, видим в календарном празднике магию, на этот раз промысловую: хозяйки непременно запекали целиком семгу, при этом ставили ее в печь головой вперед, чтобы “рыба в

реку шла”. Помимо семги на стол в этот день подавалось как можно больше и разной другой рыбы – для будущего изобилия.

Праздновались в поморских селах и христианские “престолы” – праздники сельских церквей. В каждом селе есть свой престольный праздник – как мы бы сегодня сказали, “день села”. Интересно, что и эти христианские праздники несут отпечаток поморских традиций почитания воды: так, в Тетрино на престольные праздники после службы ехали к святому ручью, и зимой и летом обливались водой из него (родниковая вода обладает целебной силой), кидали в благодарность в ручей серьги, кольца.

about their future husbands), in the Pomor land men were also widely involved in making prophecies. Numerous magical *bylichki* (true narratives) tell us exciting stories about hunters and fishers divining their fortune. A fisherman’s lot depends much more on a lucky chance than a farmer’s...

One of the most mysterious customs of the New-Year cycle is *ryazhenie* (ritual masquerade, mummery). The Pomors also called it “*shelukhonami hodit*” which means to walk around the village in weird clothes.

There is no consensus about its sacral meaning. The New Year was believed to be the moment when borders disappear between the everyday human life and the “other” world – the unknown, dark world of spirits and supernatural forces, from where souls come and where they go. Mummers, oddly dressed and speaking in a strange tongue, were perceived as creatures from another world or the souls of ancestors. This explains the custom of wearing costumes of animals: the totem ancestor, worshipped in the rites of most peoples, is zoomorphic. Interestingly, the Pomors, apart from dressing up as a bear (traditional for the whole of Russia), also used to dress up as reindeer. That’s how an archaic rite acquired local traits.

Varzuga villagers also celebrate the religious holiday of The Intersession – a special fishermen’s festival. In the Middle Russia people celebrate

this holiday as well, though they attach less importance to it. And on the Tersky Shore it coincides with the beginning of the autumn season of salmon fishing. As usual, the Pomors had a magical interpretation for the festival. To attract luck in their trade, during the holiday feast they placed the baked salmon on the table with its head in the direction of the river current – “in order to attract the fish in the river”. Many kinds of fish were served on that day – for the future prosperity.

Christian altar holidays were celebrated in village churches. Each village had its church.

Варзуга в отличие от большинства других поморских сел стоит не у моря, а на реке. Берега реки в селе звались по стоящим здесь церквям – Никольской и Успенской сторонами.

Varzuga unlike most of the rest Pomors' settlements doesn't stand by the sea but on a river. The river banks in the village were called Nickolski and Uspenski sides because of Nickolskaya and Uspenskaya Churches situated there.

ПОКРОВ – ПРОМЫСЛОВЫЙ ПРАЗДНИК
Записано от Мошниковой Е.И. 1922 г.р. в с. Варзуга

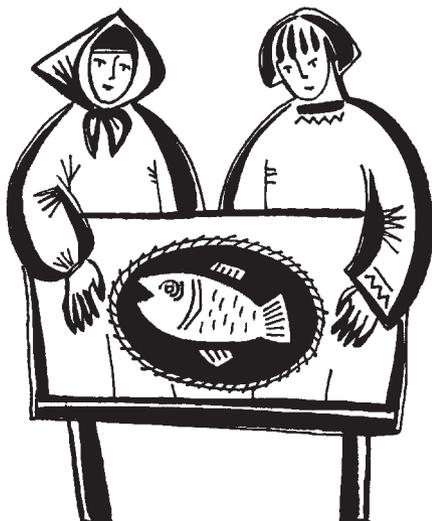
Говорили:

“Пресвятая Богородица,
Прикрой землю снежком,
А меня, девушку, женишком”.

Покров – промысловый праздник.
Церковь была раньше не здесь, а
была на устье, очень красивая была.

Туда со всех тоней рыбаки приезжали на Покров. Самый разгар семги, когда она в реку поднимается.

А когда из нее рыбник делали, головой вперед всегда запекали, чтобы рыба шла вверх по течению.

ПРАЗДНИЧНЫЕ ОБЫЧАИ

Записано от Заборщиковой А.П. 1924 г.р. в с. Кашкаранцы

На Рождество пекли родичам белую козулю, круглую, и на ней кривули такие. А черные козули – олени с хомутом, уточка, коровки, овечки.

Первую неделю в старом, рваном ходили, потом – получше, в сарафанах. Наряжались коровой, медведем – черным наденутся, шубы

вывернут, лицо платком закроют черным.

Играли раньше так – взрослые мужики-то играли в баски, в попу. Молодежь на беседах – в камешки. Дети ракушками играли. Бык был, корова – ракушки – крыночки, репка (*по описанию - морской еж*).

ВЕСЕННИЙ НИКОЛА. ГАДАНИЕ НА ПРОМЫСЕЛ

Записано от У.С. Чечениной в с. Чапома и от А. Ф. Семенихиной в с. Чаваньга

В Варзуге праздновали Николу (22 мая). Все едут за реку. Там церковь была, Никольская. Все девки в сарафанах с кисеями, платы ковровы, фартуки кашемировые тоже с кисеями, нарядные – вся река цветет!

На Рождество спрашивали, будет промысел, али нет. Сидят мужики у проруби. Ждут. Вытянется зверь из проруби до половины, так скажут, будет промысел, али не будет

CHRISTMAS

*A story told by A.I. Zaborshikov
born 1924 in village Varzuga*

On the Christmas eve *shelukhons* dropped in. Some in fur-coats, some in *sarafans* (women's traditional summer dress). Faces hidden in shawls. They said “tu-tu-tu” and abracadabra like that so that others couldn't guess who was who. But anyway you recognized your friends and relatives by gait and anything... So they danced a little and then left.

As a rule, *shelukhons* wouldn't be given anything. But Christmas carol singers – those were treated to something delicious! They walked from one house to another – children with a cone of paper, grown-ups with a lantern and a sieve. Hosts would give them a pie, or maybe a ruble for their songs and prayers.

KOZULI
(RITUAL COOKIES)

*A story told by
Gundalova U.E. born 1919 in
village Kashkarantsy*

At Christmas we baked *kozuli* with 8-shaped ringlets. The recipe is easy: mix some rye flour, some water, add salt, knead thick dough and leave it for a night in the frost. Shape reindeers, horsemen, bears, dogs – anything you like – dip them in hot water and put into the oven. Ears – those were from white flour.

ОБЫЧАИ

Записано от Заборщиковой М.П. 1914 г.р. в с. Кузомень

Хороводы водили, по солнышку. Качели устраивали на второй день Пасхи. "Гугало" назывались (*гугаться* – качаться). На Рождество утром дети ходили. Козули им давали. Самым близким – тетер из белого теста. А старикам безродным – шанги давали.

На второй день – юноши ходили со звездой и фонарем, говорили: "Разрешите, хозяин с хозяйшкой, Христа славить".

В козуль дети играли: "Тата, он у моего оленя рога съел!"

Козуль и тетер, может, неделю берегли, а потом съедали.

Шелюхны ходили. Рядились по-всякому, медведем тоже... Один мужик на бабушке в клуб приехал. Ягель в сани наложил, рога ей привязал, запряг и приехал.

Парни снимали избу на беседу. Приходят парни к отцу: "Петр Палыч, отпустите Марусю на беседу".

– Только чтобы обратно вы же и привели.

Беседа – это те же танцы. Танцы у

нас танцевали городские: краковяк... Купеческие дети привезли. И театр свой был, спектакли ставили. В Кузомени пять купцов было, пять лавок. Варзужане, бывало, приедут – дак стесняются из-под *горы* (берега) из лодки выйти. Они и сейчас говорят:

– У вас в Кузомени – как в городе побывали.

На Покров на устье ярмарка была – с первого октября по первое ноября. На Масленицу на оленях катались. В упряжь праздничную запрягали.

РОЖДЕСТВО. ШЕЛЮХИНЫ (ОБРЯД)

Записано от Заборщикова А.И. 1924 г.р. в с. Варзуга и от Гундаловой У.Е. 1919 г.р. в с. Кашкаранцы

На Рождество *шелюхоны* ходили. Кто шубу оденет, а кто сарафан. Лицо закрыто платом. Говорили: "Тю-тю-тю". Чтоб не узнали. А своих-то людей и по походке, и по всему узнаем. Попляшем, попляшем, и пойдем обратно. У нас шелюхонам обычно ничего не

подавали. А вот, кто Рождество славил, тем подавали. Славить ходили с кулечком, взрослые с фонарем, решетом. Шанги подадут, кто рубль даст. Когда славили, молитву читали

Новый год праздновали – до Рож-

дства ходили не нарядные, а потом – ходили *шелюхины*. В пимы девки наряжались, а чтоб не узнавали – лицо закрывали, голос меняли. В деревне все друг друга знают, а тут надо, чтоб не узнали.

Сарафанов навздевают старых

РОЖДЕСТВО (ГАДАНИЯ)
Записано от Заборщиковой А.П.
1924 г.р. в с. Кашкаранцы

На снегу на огороде золу через сито сеяли, говорили:
*Сею, сею пепелок,
Ступи, ступи, дьяволок.*
По следу узнают жениха.

Гадали на шкуре. У дороги растянут, обчеркнут:

Не ходи, черт, за черту.

Повалятся и слушают, кому в какой стороне колокольчики зазвенят. Мужики гадали и девки.

Как-то шкуру до хвоста не обчиркали. Лежат, слушают. А схватились – их черт тянет за хвост, шкуры-то.

В байну (баню) ходили в двенадцать часов, брали камень. Слушали тоже колокольчики, или покажется. По одному ходили. С каменицы (с каменки) берут камень, смотрят в камень.

ЗИМНИЙ НИКОЛА

Записано от Мошниковой Е.И. 1922 г.р. и Горевой Е.В. 1928 г.р. в с. Варзуга

Вот приезжали – у нас праздник был в деревне, Зимний Никола. Съезжался весь берег. У нас здесь устраивались ярмарки. Приезжали из Лопи, из Ловозерского района, ижемцы и лопари. И весь берег, вплоть до Кандалакши. Все эти деревни – Кузрека, Оленица, Чаваньга, Тетрино, Стрельна, Пялица. Приезжали сюда, привозили все свои товары, мы здесь центром были, в Варзуге. Последняя ярмар-

ка была в тысяча девятьсот тридцать третьем году.

Лопари к Николину дню привозили мясо, рыбу продавали. Они здесь венчались в нашей церкви. Привозили меховые изделия, орнаменты на них делали какие могли. Шили тобурги, липты такие, пимы – такие длинные, красивые. Орнамент на них делался белым мехом и черным, и сукном цветным отделывали. Старинные – те, которые

сохранились, – дак удивительно, сколько надо было сидеть.

А ижемцы вот привозили оленью шерсть – мешками привозили и продавали. У нас вон перина шерстью набита.

А у нас шкуры дубили и шили бахилы. Кавардин был такой старик, так он такую обувь шил! Назывались выступки николаевские – ну как туфли, и каблучок, и все.

ПТИЧКА ЛЕТЕЛА, ХВОСТИКОМ ВЕРТЕЛА. КОЗУЛИ (обряд)

Записано от А. Т. Кругловой, У. С. Чечениной в с. Чапома и от Гундаловой У.Е., 1919 г.р. в с. Кашкаранцы

В семь часов встаем, когда дети были, надо бежать славить – деревня-то больша (Варзуга). Полный тюк насобирают: кто калачик дает, кто козулю. У кого родня, так из белого теста козулек дают, у кого нет родни, так черный калачик дают.

А здесь, в ЧапOME, идут славить Христа в восемь, в девять, деревня-то мала. Войдем в дом: “Разрешши, хозяин да хозяйшка, Христа

прославить”. Они: “Славьте, детки!” И мы поем... Пели молитвы, частушки:

*“Птичка летела,
Хвостиком вертела,
Все люди знайте,
Козульку подайте”.*

На второй день взрослые ходили со звездой да с иконой.

На Рождество козули с витушками пекли. Козули – из черной муки, на воде, соли добавим... Замесят крутое тесто и поставят на ночь на мороз.

Вылепят оленей, всадников, медведей, собачек. Потом окунают в горячую воду – и в печь. Ушки – те из белой муки. И витушки – вроде восьмерок.

КАК ДЕТИ СЛАВИЛИ
Записано от Мошниковой Е.И.
1922 г.р. в с. Варзуга

Раньше прибежишь к старым-то людям. Нас-то ведь было много детей. Прибежат целая толпа, хозяйка-то там бабушка:

“Ну пойте “Христос рождается”.
Славьте.

Мы-то, девчонки, пели:

*“Христос рождается,
Христос с неба зряжете,
Христос на земле возносится
Пойте, господа, и вся земля,
И веселия,
Воспойте, люди,
Прославимся.
Прежде века,
От отца рожденному,
Нетленну сыну,
И последнего от девы...”*

Это детское рождество...

ГАДАЛИ ПО ОЛЕНЯМ...

Записано от В. А. Кругловой, У. С.Чечениной, Л. М. Стрелковой в с. Чапома

В двенадцатом часу надо пойти за водой. В душнину сели, трубу открыли. Одна села – собака залаяла у дома, вторая села – кошка в сенях замякала. Так мы испугались. Надо досидеть, а мы не досидели, испугались. Потом так не пошло, ушли, не ушли домой-то на ночь, а вышли потом на крыльцо, так увидели за огородом на полях: две – почернее,

одна – побелее, как собаки три или олени маленькие. А потом уж мы выросли, замуж вышли, так двое – у нас двоих мужья – черненькие, а одна за белоруса вышла, он – побелее.

Гадали по оленям – коромысло положат, если олень споткнется, муж хороший будет. У окошка стояли,

разговоры подслушивали, если разговор про деньги, значит богатыми будут (*те, кто подслушивает*).

Гадали по уголькам. В блюдце наливали воды, клали бумажки с именами. Уголек кидали и смотрели, к какому имени подплывет. Так и мужа будут звать.

ОСМЫСЛЕНИЕ ПРИРОДНЫХ ОБЪЕКТОВ ЧЕРЕЗ НАЗВАНИЯ

По мнению ученых, а также по самоопределению, поморы пришли на Терский берег из Великого Новгорода, принеся с собой некоторые названия. Например, юго-западный ветер называется здесь *шелоником*, храня память о новгородской реке Шелони.

Топонимика (система названий местности) Терских поморов очень хорошо проработана. Каждое уголье имеет свое название, а нередко и свое предание.

Например, каждый остров на реке был хорошо известен варзужанам и имел название, отражающее либо особенности его формы и местоположения, либо исторические события, связанные с конкретным местом.

Интересно, что природные объекты становились своеобразными памятниками истории. Так произошло, например, с островом Кровавым. По преданию, название это запечатлело битву с норманнами, приплывшими в Варзугу за добычей. Более поздний исторический этап отражен в названии островов Соловецкий

и Троицкий. Траву с этих участков было принято посылать в Соловецкий монастырь, с тех пор название закрепилось. Таких старинных названий – “меток истории” – на Терском берегу множество, но по мере ухода людей из ранее обжитых мест, к сожалению, многие предания, да и сами названия забываются.

А ведь каждое такое название могло бы стать уроком истории и традиций, местной достопримечательностью. Важно сохранять не только само название выделенного народом природного объекта, но и предания, с ним связанные, зная его точное расположение на карте.

IMAGES OF NATURE IN THE LOCAL NAMES

In the opinion of scientists and according to their own stories, the Pomors came to the Ter-sky Shore from Novgorod and brought with them place-names. For example, the southwest wind is called “*shelonik*” in memory of Novgorod’s river Shelon.

The inhabitants of Varzuga were excellent fishermen, as it was evidenced by the proverb, “The Pharaoh on his chariot, the Varzuzhanin on his *poyezd-nitsa*”. This special flat-bottomed boat was the main means of conveyance along the river.

Every island on the river was well known to the inhabitants and had a name.

НОРМАННЫ (топонимическое предание)
Записано от Заборщикова П.П. 1935 г.р. в с. Варзуга

У нас тут раньше остров был Кровавый. Там, говорят, битва была.

Норманны на лодке приплыли и с русскими сражались. Очень большая кровь лилась, поэтому и назвали остров Кровавый. Там сорок рукавиц с одной руки на-

шли, поэтому и назвали остров Кровавый. Мне мать рассказывала...

Здесь еще на холмах два Городища есть: Прямое и Косое (местность просто такая). Видимо, названо тоже оттого, что оборонялись от врагов.

КРЕСТЫ (легенда)
Записано от Гундаловой У.Е. 1919 г.р. в с. Кашкаранцы

Кресты на побережье стоят. Это шесть километров от Кашкаранцев по старой дороге.

Прежде это было. Выбросило святую на Крестах. Это женщина была, жила в церкви в монашенках. Выбросило ее утони. Там крест поставили, а потом часовенку.

В часовне клали, кто – пимы, кто – платок шелковый. Родник там целебным считался. Приходили пешком даже с Пялицы, с Чапомы – окатиться да с собой взять.

Ковшик был большой, деревянный. Мелочь и сейчас кидают.

ПРО МЕДВЕЖЬЮ ГОРУ... (топонимические предания)
Записано от Заборщикова П.П. 1935 г.р. в с. Варзуга и от Заборщиковой М.П. 1914 г.р. в с. Кузомень

Село наше было связано с Соловецким монастырем, поэтому у нас тут есть *Соловецкий* остров, там заливные луга, каждый год их Варзуга заливают. Траву с этого острова отправляли в Соловецкий монастырь.

Троицкий остров тоже, видно, был как-то связан с монастырем.

Пожень – место, где траву косили, они там каждому месту свое название давали. *Зако-*

рожье – от слова “корга”, остров из гальки, который намывает ледоходом. *Запорожье* – за порогами находится.

Пунзостров – раньше *Пундостров*. *Пунда* – такой плоский камень, зашитый в кожу. Для ловли семги к концу сети привязывали. Вот, видимо, остров – такой же яйцевидной формы

А про *Медвежью* гору легенда была, что медведь задушил корову и катился с ней с горы.

СТАРОЕ КЛАДБИЩЕ (предание)
Записано от Заборщиковой Р.Е. 1941 г.р. в с. Варзуга

У нас тут два кладбища было. Одно – на нашей стороне реки, другое – на Успенской. На старом кладбище тут еще первые люди, которые пришли, похоронены.

В наших местах кресты долго стоят. А если крест упадет, второй-то раз ставить крест нельзя. Столб тесаный ставят и все буквы с него списывают.

LOCAL NAMES

*A story told by Petyr
Prokopiyeovich Zaborshikov
born 1935 in the village of
Varzuga*

Our village was connected with Solovetsky Monastery, which is why we named the island Solovetsky. There are marshes here, which are flooded by the Varzuga every year, and from which the grass was sent to the monastery. Troitsky Island was also connected with the monastery. Every name had a meaning.

Pozhen is still the name of the place where the grass was cut.

Zakorozhiye (from the word “korga” – pebble) is an island covered by pebbles deposited by the floating ice.

Zaporozhiye Island is located behind the “porogi” (rapids).

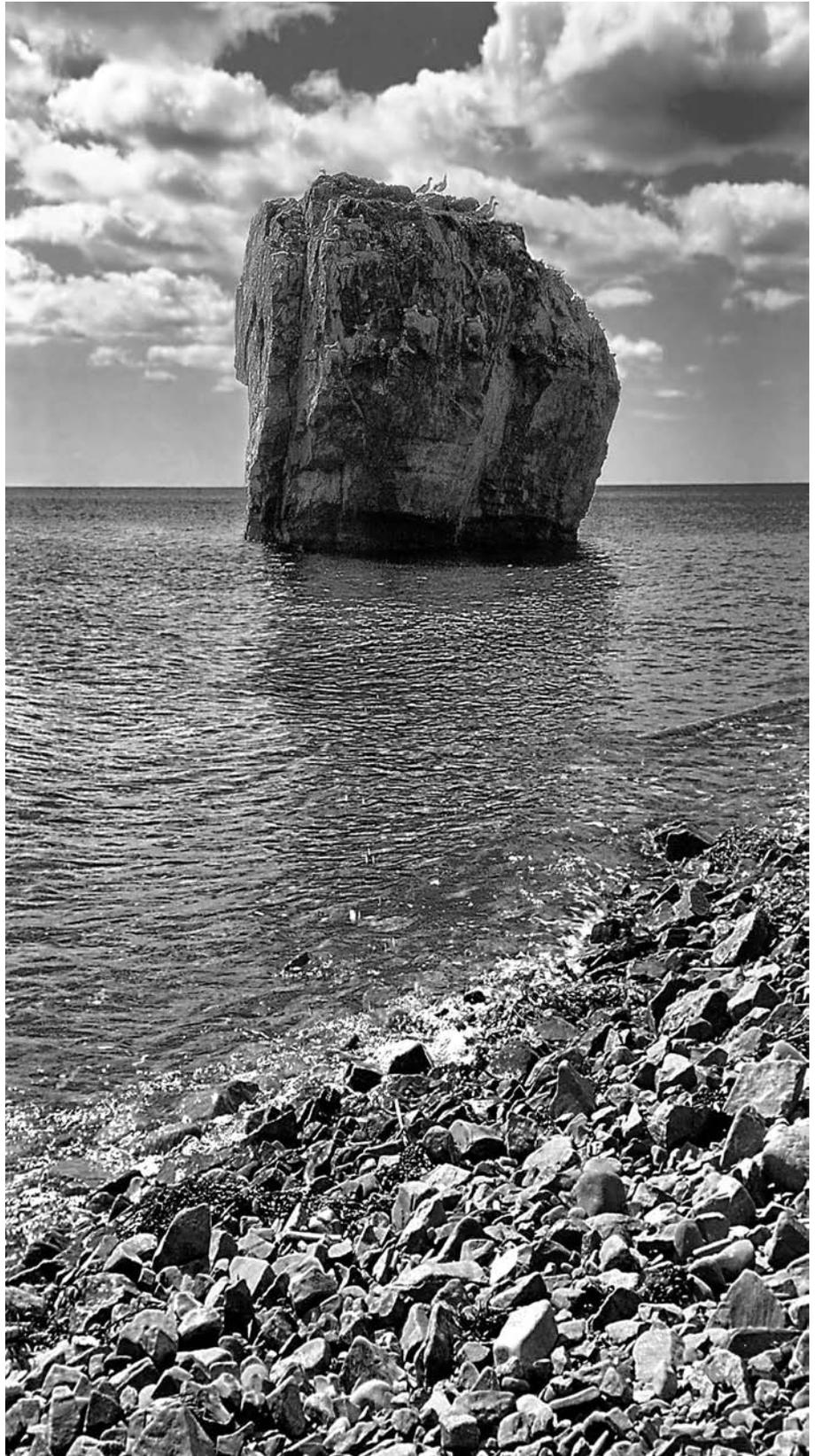
Pund Island was egg-shaped and thus named after the “punda”, a flat stone that was wrapped and sewn into skin and tied to the edge of the net used to catch salmon.

NORMANS

*A story told by Petyr
Prokopiyeovich Zaborshikov*

Long ago there was an island here called Krovaviy (Bloody) Island, where they say there was a battle. The Normans sailed here and fought with the Russians. My mother told me that they found forty single mans’ gloves on the island, which was why it received that name.

On the hills over the settlement there are two *gorodishe* (ancient sites) called Pryamoye (straight) and Kosoye (angle). They are called so, evidently, because they were used to defend the people against enemies.

Козуля-олень. Reindeer (ritual cake).

Козуля-нерпа. Eared seal (ritual cake).

Куклы-панки. Wooden dolls (panki).

TRADITIONAL POMOR TOY

Every child gets to know the world around him through games and toys. The amazing thing is that in cities entertainment of modern children differs greatly from that of our parents (and even elder brothers and sisters)! Of course, dynamically changing modern world, new technical inventions and scientific discoveries leave indelible mark on urban children's culture.

But if you come to any village, old men and women can tell you stories about their favorite toys that haven't changed for centuries!... Clay whistles, wooden horses, rag balls...

Toys of the Pomor children are remarkable for variety of forms and archaic beauty. Original residents of the Novgorod principedom, the Pomors brought their old Slav beliefs with them. And a toy, as one of the brightest phenomena of the folk culture, reflected their picture of the universe, philosophy of every day life, vital activities and the natural features of the area. Consistency of execution allows us admire the harmony and elegance of a handmade sculpture up till now.

The connection between the image of a toy and pagan cult objects has long stopped causing doubts.

Everyone who has seen a wooden doll *panka*, carved from pine wood in the villages of Umba and Varzuga, wouldn't question this connection. Old villagers clearly

ПОМОРСКАЯ ИГРУШКА

Первое знакомство человека с окружающим миром происходит через игру и игрушки. В современной городской жизни многие игрушки сильно отличаются от любимых забав наших родителей и даже старших братьев и сестер. Безусловно, это отражает реальность нашего динамичного постоянно изменяющегося мира, новые технологии накладывают на игры свой неизгладимый отпечаток.

Однако так было не всегда. Попадая в деревню, вы можете услышать о любимых игрушках наших бабушек, внешний вид которых и технология изготовления не изменялись на протяжении веков и даже, возможно, тыся-

челетий! Глиняные свистульки, деревянные лошадки, тряпичные мячики...

Игрушки детей поморов Терского берега отличаются разнообразием формы и архаичной красотой. Выходцы из Новгородского княжества, сохраняя древние славянские верования, обживали новые земли в течение нескольких веков. Игрушка, как одно из самых ярких явлений традиционной поморской культуры, отражала и взгляды людей на окружающий мир, и повседневный быт, и жизненно важные промыслы, и природный мир региона. Устойчивость исполнения позволяет нам и сегодня любоваться гармонией между мате-

риалом и способом воплощения замысла, особым изяществом рукотворной скульптуры.

У многих уже давно не вызывает сомнения связь между скульптурой игрушки и предметами языческого культа природных богов. Каждый, кто увидел деревянную куклу “панку”, вырезанную из сосны в селах Умба и Варзуга, может убедиться в этой связи.

В традиционной русской культуре сохранились воспоминания о том времени, когда панки занимали место иконы. В языческие времена деревянная чурочка с солярными – солнечными – знаками на груди, символами орошающего землю дождя и засеянного поля, представляла собой

воплощенную богиню плодородия, саму мать-землю и одновременно земную женщину, дающую жизнь всему людскому племени. Имя ее – “панка” – указывает и сегодня на ее высокое положение.

Тряпичная кукла (зачастую без глаз на лице – чтобы не вселился в нее дух нечистый) была распространена по всей России. Между терской обычной “Машей” и куклой панкой прослеживается явная связь. Не только функция осталась “обережной”: девочке со временем должна была передаться сила плодородия Великой богини, одновременно кукла должна была оберегать от нечистых сил. Не только сохранившиеся аграрные символы, перешедшие с

remember the times when *panka* used to occupy the place of icons. In pagan times a wooden figure with solar signs on the chest and symbols of rain sprinkling the earth and fields, represented an impersonated goddess of fertility, the Mother Earth and at the same time an earthly woman, giving birth to the human tribe. And her name – “*panka*” (lady) testifies to her senior position.

A rag doll (usually without eyes, so that the Evil Spirit couldn't get inside it) was widely spread in Russia and the Tersky shore wasn't an exception. One can trace an obvious connection between the Pomor doll Masha (her customary name) and *panka*. It served far more than a girl's lucky charm. In due time the doll would have to pass the power of fertility of the Mother-goddess to her owner. Not only agricultural symbols on the doll's dress (reduced copy of a female peasant costume) refer us to this magical connection but also a remarkable fact that a pine bar served as the base for the doll... We believe that it's not just a coincidence. Doesn't it remind us of another one image of the female deity – the Tree of Life?! Ethnographers discovered that images of a woman and a tree on the Pomor embroidery, paintings on spinning-wheels and household equipment were interchangeable.

Moreover, the image of the Tree of Life has always been connected with the idea of a family, a clan. A green tree is widely used in various festive traditions up till now and this probably explains why wood is the favorite

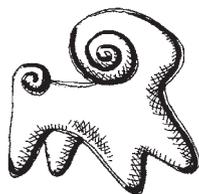
material for most folk craftsmen. When a hunter or a fisherman returned from distant lands and seas, he brought his children wood-carved toys as presents: dolls – for girls, horses – for boys... Especially original are fragile reindeer of chipped wood with graceful curls of antlers and weightless pine sledges. This toy is still very popular on the Tersky Shore. In children's games reindeer was often "accompanied" by chipped-wood dogs. That's how man's everyday helpmates were represented in a toy.

The Bird of Happiness (or the Sun-bird) is the best known lucky charm in the Russian North. It is made of splintered pine-wood and usually "hovers" above the dinner table or the child's bed. The Bird of Happiness has a "solar" origin. According to the legend, once, when it was a gloomy polar night, one man carved an image of Sun for his ill child. Not one of all shamans could cure the little boy, but when the Sun itself entered the house, all diseases and misfortune left it.

Another kind of traditional toy that presents special interest is ritual wheat cookies – tetery, related to the image of a Sun-bird. Women baked them on Christmas-tide only for their children and family members.

In one family a hostess showed us one of such teterys: on a round disc of the "Sun" with rays we could distinguish the bird's nose and tale. But then she said, as if by secret, "Yes, it's tetery, but in fact it's a seal and not a bird at all."

How to explain such a change?. In the times of animism, when

дерева в мини-комплекс женского крестьянского костюма у куклы, напоминают о ней. Основой для тряпичной куклы служит сосновая чурочка. Возможно, ее присутствие объясняется не только технологически. Не напоминает ли это о еще одном воплощении женского божества – Древе Жизни! Из этнографических материалов известно, что фигуры женщины и дерева взаимозаменя-

емы в вышивке, в росписи прялок и прочей домашней утвари. Образ Древа Жизни всегда также связывался с понятиями семьи, рода; и по сей день зеленое дерево играет различные роли в людских обрядах, поэтому не случайна любовь мастеров именно к этому материалу.

Возвращаясь из дальнего промысла, каждый охотник и рыбак привозил с собой деревянные резные фигурки. Девочкам – куклы. Мальчикам – коней. Оригинальны невесомые олени из сосновой щепы. Игрушка эта до сих пор любима и достаточно распространена на Терском берегу. Изящны завитки рогов-стружек, легка сосновая же повозка, в которую запрягаются олени. В игре принимают участие щепные собачки. Так в игрушку воплотились повседневные спутники и помощники человека.

Самым знаменитым оберегом на севере почитают Птицу

счастья с расправленными крыльями, сделанную из расщепленной сосны. Ее появление “помнит” предание о том, как отец вырезал для больного ребенка в долгую полярную ночь образ Солнца. Птица парит в струях теплого воздуха над семейным столом или кроваткой ребенка. Ни один шаман не мог излечить больного, но когда само Солнце вошло в дом, ушли хворь и беды от людей.

Хотелось бы уделить внимание еще одному виду традиционной игрушки – обрядовому

печенью. С образом Птицы-солнца, а также семьи и рода связаны большие пшеничные сдобные тетеры. На святки их выпекали матери только для своих детей и членов семьи. На круглом диске “Солнца” с лучиками нам показали и нос, и хвост птицы. В одной семье нам как бы по секрету сообщили:

– Это тетеры, но на самом деле не птица вовсе, а тюлень.

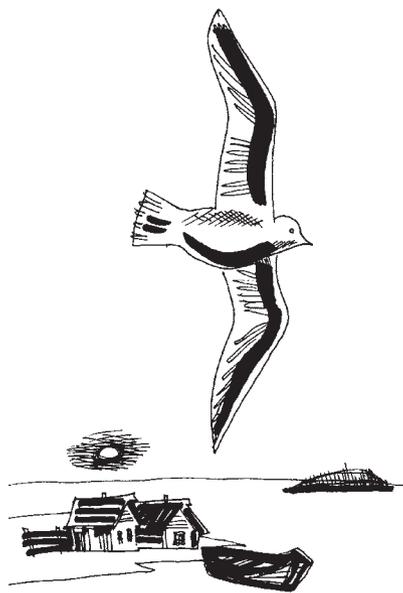
Как объяснить таинственную цепочку? Во времена анимизма – веры в одушевленность всей природы и переселение душ – ничего не было странного в том, что божество принимало то или иное обличье. Возможно, это отголосок времен, когда чтимое родом животное торжественно съедали, дабы приобщиться к его силе. В эпоху зооморфизма божество имело вид животного. Так как охота на лесного и морского зверя и по сей день имеет важнейшее значение для общины, очень устойчивы представления о чудесной силе “соседей”

people believed in the Soul of Nature and reincarnation, it was a common belief that a deity could take this or that image.

The tradition of baking and eating tetery is probably an echo of the times when the animal worshipped by a clan was ritually slaughtered and eaten so that the people could acquire its strength. In the era of zoomorphism, a deity was depicted as an animal. As hunting still has great significance for the Pomor community, belief in magic powers of their forest and marine “neighbors” remains strong. Embodied in a toy, this power is supposed to protect the child. Famous Varzuga “kozuli” were also baked on Christmas-tide but, unlike tetery, from rye flour: there were goats, cows, deer, elks, seals, birds and whatever else could be invented by vivid imagination. Children played with them, sometimes keeping “kozuli” for a long time. And this wonderful tradition is still alive!

In village of Kuzomen we were fortunate to discover most archaic toys. It was a whole “herd”, led by a bull: cows and calves, followed by funny roosters and hens. Surprisingly, we could guess who was who, though they were made of ordinary shells from the sea and the river. Some ethnographers believe that in its infancy the humankind used to play with stones, shells, animal bones.

Besides, in Central Russia the game of knucklebones also belongs to a category of archaic games. This game is well known on the Tersky Shore as well. But joints of reindeer or elk are more common than sheep’s.

человека. В игрушке эта сила призвана оберегать ребенка.

Знаменитые “козули” также пеклись на Святки из черной муки женщинами. Дети играли, иногда подолгу сохраняя фигурки рогатых “козуль”, лосей, оленей, всадников, тюленей и птиц. Лепят козули на Терском берегу и сегодня. Богата фантазия мастериц. Жива прекрасная традиция. Самая популярная козуля – это изображение верного помощника жителей Севера, оленя.

Оленей лепят разных: однорогих, двурогих, с рогами, соединенными в виде кольца (“олень-солнце”), трехрогих, причем каждый “вид” является тем или иным оберегом – любви, дружбы, против порчи. Коровки и баранчики считались покровителями домашнего очага и богатства. С заклинанием охотничьей удачи

связана козуля нерпы. Фигурки тетерок с птенцами на спинке дарили с пожеланием семейного благополучия.

Но с самыми древними игрушками мы случайно столкнулись в селе Кузомень. Это было “стадо” во главе с быком: коровки, телята... И забавные петухи и курочки. Что удивительно: они узнавались, хотя изображались обыкновенными ракушками из Белого моря и реки Варзуги. В своем младенчестве человечество, как утверждают некоторые этнографы, играло камешками, ракушками, костями животных.

Кстати, широко известная в Средней России игра в “бабки” тоже относится к разряду таких архаичных игр. На Терском берегу знают эту игру. Только вместо бараньих суставов часто используют оленьи и лосиные.

ИГРУШКИ

*Записано от Заборщиковой
Е.Н. 1910 г.р. в с. Варзуга
и от Заборщиковой М.П.
1914 г.р. в с. Кузомень*

Игрушки – деревянные. Тогда у нас ездили на торос – туда вниз, ниже Чаванги. Тоже пойдет непогода – куклы делают. Панки назывались. По курочке да птичке сделают, да коной, да оленей.

С тороса привозили детям тюленей, медведей, всадников, панки. Птичек, курочек на кругу (за веревку дергаешь – они клюют), уток.

В ракушки играли: длинные, черные – “быки”, поменьше – “коровки”.

Из щепочек делали оленей, кережи (сани лопарские). Ставили оленцев. В кережи клали щепочки – “семгу возили”.

ОБРАЗЫ ПРИРОДЫ В ПОМОРСКИХ ПЕСНЯХ

IMAGES OF NATURE IN THE FOLK SONGS

Поморская песня отражает природу через систему символов, означающих, прежде всего, события человеческой жизни. Природная символика создает глубокую поэтичность песен, ощущение взаимосвязи человеческого и природного. Пролетающий в ворота сокол в песне “Дымно, дымно в поле...” – это и молодой муж, Иван-господин, и быстрая прекрасная птица. Здесь не просто замена одного значения другим, а взаимодополнение образов. В песне, также как и в заговоре, действует магия подобий: быстрота и ловкость “ясна сокола” должна переходить на молодца, красота жемчуга – на девуцу.

Заклинательный, обрядовый характер имеют, конечно, не все

терские песни, но самая большая и древняя их часть – песни свадебные. Тексты их очень устойчивы: такие же, как на Терском берегу, сюжеты и даже целые строчки встречаются и в среднерусском свадебном фольклоре. Можно считать, что переселение на Север наложило на свадебные песни отпечаток гораздо меньший, чем на произведения иных жанров.

Другое дело – частушки и колыбельные, исполняемые не по канону, почти импровизационно. Здесь находят место северные реалии, например, приметы зверобойного промысла и другие бытовые детали в колыбельной песне “Ходит котик по болоту”.

The folk song reflects nature not photographically, but through a system of symbols. They are often borrowed from the nature itself, but first of all convey various events of a human life. These symbols fill the song with ineffable poetical charm and create the sense of affinity of the man and the Nature. The falcon, flying through the gates in the song “The fields are full of smoke” is both a young husband, Ivan, and a bird – beautiful and alert. It’s not a mere replacement of one image by another – they supplement each other. In a song, just like in a spell, the magic of resemblance works: the swiftness of “yasny sokol” (fair falcon) has to pass to the young man, and the beauty of pearls – to the girl.

Of course, not all the songs of the Tersky shore have a magical, ritual meaning, but only the most archaic and numerous of them – the wedding songs. Their patterns are quite repetitive: the similar plots can be found in the folklore of the Tersky shore and Middle Russian singing tradition. As we see, migration to the North didn’t affect wedding songs as much as other genres.

Another matter is lullabies. They have no rules of performance and are usually improvised. Lullabies often reflect realities of life in the North, for example, in one of them – “A cat walks around a marsh” – we can see features of a sea hunt...

ДЫМНО, ДЫМНО В ПОЛЕ (свадебная песня)
Записано от Заборщиковой М.П. 1914 г.р. в с. Кузомень
Песня пелась женатым мужчинам-гостям.

Дымно, дымно в поле,
Чадно, чадно в чистом,
У Ивана-господина
Были трое ворота.
Дымно, дымно в поле,
Чадно, чадно в чистом.
Во первые ворота
Сокол пролетал.
Дымно, дымно в поле,
Чадно, чадно в чистом.
Во вторые ворота
Иван проезжал.
Дымно, дымно в поле,
Чадно, чадно в чистом.
А еще Марьюшка его
На крылечке стояла
Дымно, дымно в поле
Чадно, чадно в чистом.
Рукавцом взмахнула,
Голоском вскрикнула,
Дымно, дымно в поле,
Чадно, чадно в чистом.

Воротись, воротись,
Ты Иван-господин.
Дымно, дымно в поле,
Чадно, чадно в чистом.
Я те радость расскажу,
Я те сына спорожу.
Дымно, дымно в поле,
Чадно, чадно в чистом.
Ради сына-сокола
Не ворочаюсь домой.
Дымно, дымно в поле,
Чадно, чадно в чистом.
Рожен сын тобой
Разоритель мой.
Дымно, дымно в поле,
Чадно, чадно в чистом.
Воротись, воротись
Ты Иван-господин.
Дымно, дымно в поле,
Чадно, чадно в чистом.
Я те радость расскажу,
Я те дочь спорожу.

Дымно, дымно в поле,
Чадно, чадно в чистом.
А ради дочери-голубушки
Ворочаюсь домой.
Дымно, дымно в поле,
Чадно, чадно в чистом.
Дочь замуж отдаю,
Себе зятя получу,
Дымно, дымно в поле,
Чадно, чадно в чистом.
У меня дочушка
Всегда гостьюшка.
Дымно, дымно в поле,
Чадно, чадно в чистом.
У меня дочушка
Всегда гостьюшка.
Дымно, дымно в поле,
Чадно, чадно в чистом.
У меня зятьюшка
Всегда гостьюшкой.
Дымно, дымно в поле,
Чадно, чадно в чистом.

БАЮ-БАЙ...

(колыбельная)

Записано от Заборщиковой Р.Е.
1941 г.р. в с. Варзуга

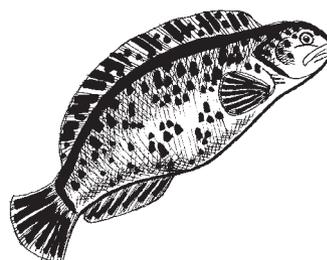
Баю-бай, баю-бай,
К нам приехал Бабай,
Он приехал, накатил,
На красивом на коне.
Он кричал: "Абабай!"
Кричал: "Надю нам отдай!"
Нет, мы Надю не дадим:
Пригодится нам самим,
Пригодится нам самим
Да понадобится.
А у нас много ребят
Все по лавочкам сидят,
Все по лавочкам сидят,
Кашу масляную едят.
Кашка масляная,
Ложка крашенная.

ХОДИТ КОТИК ПО БОЛОТУ
(колыбельная)

Записано от хора с. Варзуга

Ходит котик по болоту,
Нанимается в работу.
"Кто бы, кто бы в няньки взял,
Тому три дня б работал".
"Уж я этому коту
За работу заплачу.
Дам я кринку молока,
Дам я свежего сижка!
Еще белого белечка на шапочку
Конжуево яичко на игрушечку".
Побежала кыска, побежал кыска
Да к ореховой жене.
"Ты, орехова жена,
Накорми кыска.
Накорми кыска,
Проводи кыска.
Проводи кыска
До того леска".

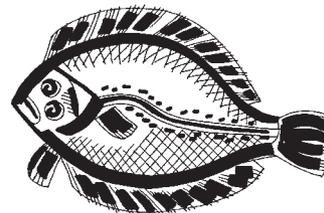
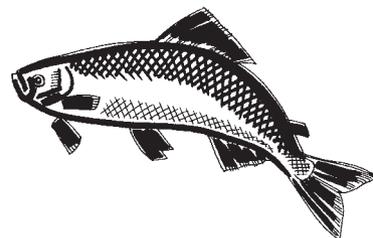

ЗОЛОТО С ЗОЛОТОМ СВИВАЛОСЬ
(свадебная песня)

*Записано от Мошниковой Е.И.,
1922 г.р. и Горевой Е.В. 1928 г.р. в
с. Варзуга*

Золото с золотом свивалось
Да свивалось,
Чой жемчуг с жемчугом
Сокатался,
Сокатался,
Еще наше то золото получше,
Да получше,
Еще наш то жемчуг поскатнее,
Поскатнее,
Еще наша то Анна получше,
Да получше,
Свет Михайловна покрасивей,
Покрасивей,
Еще мы-то подружки накажем,
Да накажем,
Не давай у венца целоваться,
Целоваться,
Через пуговку золотую,
Золотую,
Через петельку обвитую,
Обвитую.

УЖ, ТЫ, КАМКА...

Записано от Мошниковой Е.И. 1922 г.р. и Горевой Е.В. 1928 г.р. в с. Варзуга

Уж, ты, камка, камочка,
Моя да дорогая,
Мелкотравчатая,
Дорогая, мелкотравчатая,
Да мелкотравчатая, узорчатая,
Мелкотравчатая, узорчатая,
Да не давайся разворачиваться,
Да ни атласу, ни бархату,
Ни атласу, ни бархату,
Да дорогой, чтоб она не в золоте,
Дорогой, чтоб она была не в золоте,
Да дорогой, что Полюшку ведет,
Да парень девицу за рученьки берет,
Парень девицу за рученьки берет,
Да он ведет в хоровод танцевать,
Он ведет в хоровод танцевать,
Да стал у девице белые руки жать.
Да стал он лапушкой называть,
Да стал он лапушкой называть.
Да уж ты, девица-красавица моя,
Уж ты девица - красавица моя,
Да красавица, красна девица-душа,
Да ты не всякого, сударыня, люби,
Да не ко всякому в гости ходи,
Не ко всякому в гости ходи,
Да не со всяким речь говори,
Не со всяким речь говори,
Да полюби только меня ты одного,
Полюби только меня одного.
Да уж ты, глупый-неразумный молодец,
Уж ты, глупый-неразумный молодец,
Да не один ты сокрушаешься по мне,
Да двое-трое сокрушаются,
Двое-трое сокрушаются,
Да ко мне в гости собираются,
Ко мне в гости собираются,
Да из троих-то одного только люблю,
Из троих-то одного только люблю.
Да я тальянской плат куплю,
Я тальянский плат куплю,
Да со кругами со серебряными,
Да с каймами позолоченными,
Да с каймами позолоченными,
Да буду стану дружке платок даровать,
Буду-стану дружке платок даровать,
Да ты умеи дружок подарки примать,
Да ты на место даривать,

Ты на место даривать,
Да куплю Любушке
скатного жемчужку,
Жемчужку,
Да не на хазик, не на ленточку,
Не на хазик, не на ленточку,
Да около шейки на ниточку,
Около шейки на ниточку,

Да окол ручек в зарукавьице,
Окол ручек в зарукавьице.
Да еще куплю злаченный перстенок,
И еще куплю злаченный перстень.
Да с дорогию со ставочкой,
С дорогию со ставочкою,
Да со ставочкой со камешком.

СЕРИЯ “ТРАДИЦИОННОЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ”

Знание – это инструмент, который позволяет нам взаимодействовать с окружающим миром. Слово “знание” принято ныне отождествлять прежде всего с наукой, а ведь наука как специфическая форма познания сформировалась лишь несколько веков назад. Древнейшую форму знания называют знанием традиционным.

Улавливая природные закономерности, человек “записывал” их символическим языком, далеким от современной научной логики. Так появлялись мифы, легенды, ритуалы. Ценность традиционного знания не умаляется его особым языком и

специфической логикой. Внимательный ученый – этнолог, фольклорист – может прочесть эту “запись” и “перевести” на научный язык. И при этом зачастую становится хорошо заметно, как традиционный способ жизни, в отличие от современного городского, органично связан с природой. Таким образом, традиционное знание, проверенное вековой практикой, как правило, более “экологично”, чем современное научное.

Не так давно научно-технический прогресс казался панацеей от бед человечества. Но надвигающиеся экологические и социальные кризисы показыва-

SERIES “TRADITIONAL ECOLOGICAL KNOWLEDGE”

Knowledge is a tool which enables us to interact with the surrounding world. Nowadays the word “knowledge” is primarily associated with science, though science as a specific way of describing the Universe appeared just several centuries ago.

The archaic form of knowledge is habitually called “traditional”. Observing regularities of natural phenomena ancient people recorded them in a symbolic language, distant from modern scientific understanding. That is how myths, legends, rituals appeared. Unusual logic and peculiar language don't diminish value of traditional knowledge.

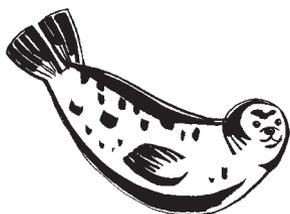
A sensitive researcher – anthropologist or a folklorist – will “decipher” the archaic message and translate it into scientific language. Interestingly, such investigations reveal that traditional ways of life are more resonant with the nature than modern technologies and traditional philosophy is more “ecological” than contemporary scientific knowledge.

Not so long ago technological progress was regarded as a panacea against all human misfortunes. But brewing social and ecological crises prove that this was a delusion. Development of global ecological ethics can not catch up with the pace of glo-

bal progress which has become a dangerous “toy” in the hands of a “child”, the humankind.

Traditional knowledge is a different matter. It has always been attuned to a certain locality and described only such rules

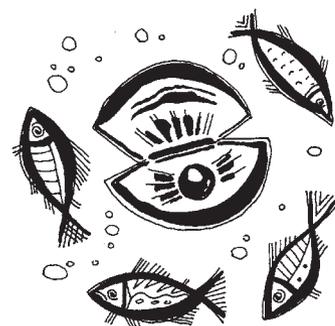
of behaviour and picture of the world that were relevant exactly to this or that area, not claiming to be a universal truth.

Peoples who hadn't changed their place of residence for centuries had an opportunity to learn thoroughly all the local laws of nature and reflected them in the forms of traditional knowledge – customs, rules of everyday life, folklore, etc. By *tradition ecological knowledge* we mean the kind of relationship between man and nature which enables us to keep the environment healthy and preserve our own health. The modern world tries to follow these valuable principles, especially when it concerns sustainable development of territories on which indigenous peoples or old residents live. The book series “Traditional knowledge” is designed to help modern people realize significance of such knowledge and promote its application to the economy of regions where it once appeared, thus favouring their sustainable development.

ли, что это далеко не так. Развитие глобальной экологической этики не поспевает за развитием глобального знания, наука и прогресс становятся опасными игрушками в руках увлекшегося ребенка – человечества.

Иная ситуация со знанием традиционным. Оно, как правило, было приурочено к определенной местности, и описывало способы поведения и мышления, уместные именно здесь. Народы, на протяжении многих веков не менявшие территории своего проживания, успели тонко изучить природные закономерности и отразить их в обычаях, в жизненном укладе, в фольклоре. *Традиционным экологическим знанием* мы именуем опыт о том, как жить в природе, чтобы сохранить здоровье и благоприятную среду обитания. Ныне во

всем мире стараются учитывать этот ценный опыт, в особенности, если речь идет о проектах сохранения природы и экономического развития на территориях, где проживают аборигенные и старожильческие народы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арсеньев В.М.* Колодец у дороги. М.: Мол. гвардия, 1983. – 128 с.
- Гепм К.П.* Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. 2-е изд., доп. – М.: Наука; Архангельск: Помор. ун-т, 2004, – 637 с.
- Евтюкова О., Костюкович Л.* Поморские козули. – Мурманск, 1994. – 54 с.
- Жиров Д.В., Пожиленко В.И., Белкина О.А., Костина В.А., Королева Н.Е., Константинова Н.А., Урбанавичене И.Н., Давыдов Д.А.* – Терский район. Книга 1-ая из серии “Памятники природы и достопримечательности Мурманской области”. – Санкт-Петербург: изд. Ника, 2004. – 128 с.
- Калюжин С.М.* Атлантический лосось Белого моря: Проблемы воспроизводства и эксплуатации. – Петрозаводск: “ПетроПресс”, 2004. – 264 с.
- Колпакова Н.* Терский берег. – Архангельск: Северное областное издательство, 1937. – 186 с.
- Максимов С.В.* Избранные произведения. В 2 -х т. Т. 1. Год на Севере: Ч. 1 и 2. – М.: Худож. лит., 1987. – 447 с.
- Максимов С.В.* Избранные произведения. В 2 -х т. Т. 2. Год на Севере: Ч. 3. – М.: Худож. лит., 1987. – 495 с.
- Меркурьев И.С.* Живая речь Кольских поморов. Мурманск: Кн. изд-во, 1979. – 184 с.
- Наумов А., Федяков В.* Вечно живое Белое море. – Санкт-Петербург, 1993. – 336 с.
- Никитин Андрей* Остановка в ЧапOME. Повесть-хроника. – М.: Советский писатель, 1990. – 464 с.
- Орешета М.Г.* Серебряный ручей. Мурманск: МИПП О-65 “Север”, 2001. – 128 с.
- Плюснин Ю.М.* Поморы: Население побережий Белого моря в годы кризиса, 1995-2001. – Новосибирск, 2003. – 143 с.
- Ушаков И.Ф.* Кольская земля. Очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период. – Мурманск: Кн. изд-во, 1971. – 672 с.
- Ушаков И.Ф.* Избранные произведения в 3-х т.: Историко-краеведческие исследования. – Мурманск: Кн. изд-во, 1998. Т. 2: Кольский Север. – 376с.
- Ушаков И.Ф.* Избранные произведения в 3-х т.: Историко-краеведческие исследования. – Мурманск: Кн. изд-во, 1998. Т. 3: Кольская старина. – 480 с.

СЛОВАРЬ ДИАЛЕКТНЫХ ПОМОРСКИХ СЛОВ

Бабить – принимать роды.

Байна – баня.

Белек – новорожденный детеныш тюленя с белым или беловатым мехом.

Выступки – туфельки определенного фасона.

Гарва, харва – крупночешуйчатая сеть-ловушка с завернутым концом для ловли семги. Ставилась на колья, вбитые в дно водоема, обычно на малой глубине или по обсышке. Иногда – любая сеть для крупной рыбы.

Гора – берег.

Гугало – качели.

Душина – отверстие в стене или потолке хозяйственных построек для вентиляции.

Ижемец – коми-ижемец.

Жонка – жена, женщина.

Заветить – давать обет (овет).

Залёдна, залёдка – семга, перезимовавшая в реке, лов которой начинался сразу после вскрытия реки и моря. Иногда – любая другая рыба, ловимая в это время.

Камка – узорная шелковая или льняная ткань, часто вышитая “золотом”.

Карбас – большая поморская лодка (но меньше *шнеки*).

Керёжи, кережи – санки в виде лодки с одним широким полозом.

Козуля – традиционная рождественская игрушка из ржаного, “черного”, теста.

Кокора – ствол дерева с корнем.

Конжуй – детеныш гренландского тюленя, утративший после линьки белую окраску. Другое название – *серка* – по цвету меха. Иногда конжуями звали молодых, одно- и двух- годовалых зверей, еще не достигших размера и облика взрослых животных.

Корга – *здесь* – остров из гальки, который намывает ледоходом.

Кукоречки – верх спины человека.

Кулебяка – полуоткрытый небольшой пирог с рыбой.

Липты – чулки из шкуры оленя, собаки или овцы, сшитые мехом внутрь.

Максы, максима – печень рыбы.

Мостовица – одна из досок деревянного настила, мостков.

Некрещеный – черт, леший.

Овет, обет – обещание.

Очураться – сказать “чур меня”.

Пимы – меховые сапоги, сшитые мехом наружу.

Прилук – лужайка.

Поезд – небольшой кошелековый невод для коллективного лова семги с нескольких лодок на плаву, “*поездованием*”.

Пойво, пойло – теплый запариваемый корм для рогатого скота.

Помередеться – показаться.

Путка – желудок рыбы.

Росстань – перекресток дорог.

Сайва – ларь для хранения продуктов

Синье, ксень – внутренности рыбы.

Сухара – сухое дерево.

Тетера – традиционное рождественское съедобное изделие.

Тобурки – меховые сапоги, сшитые мехом внутрь или наружу и надеваемые поверх другой обуви.

Тоня – участок берега моря, где ловят рыбу неводами, со всеми хозяйственными постройками. Часто – просто рыбацкая избушка на морском берегу.

Чернуха – любая нырковая утка темной окраски.

Шелюхины, шелюхоны – ряженые.

Шнека, шняка – большая поморская промысловая лодка с прямым парусом, тремя парами весел, с командой из четырех человек.

Кольский центр охраны дикой природы (КЦОДП) – неправительственная природоохранная организация, образованная в 1995 году как отделение Центра охраны дикой природы (г. Москва). С 2001 КЦОДП имеет самостоятельный юридический статус.

Методы работы организации многообразны: от полевых биологических и опросных (работа с местным населением) экспедиций до создания и согласования документов на организацию охраняемых природных территорий. Работа со СМИ, лекции в экологических организациях, привлечение добровольцев – также обязательная часть всех программ. По большинству действующих проектов КЦОДП работает совместно с другими экологическими неправительственными организациями (НПО), как центральными, так и местными

Приоритетными являются следующие направления деятельности:

– создание баз данных и геоинформационных систем, независимый анализ состояния экосис-

тем и факторов, угрожающих ценным природным сообществам;

– распространение информации по проблемам охраны природы, просвещение и привлечение к природоохранной деятельности молодежи;

– полевые обследования территорий, создание особо охраняемых природных территорий;

– проекты по развитию экологического туризма;

– сбор и распространение информации об экологической культуре коренных народов, о проектах, связанных с освоением территории их проживания;

– общественное обсуждение проектов природопользования, кампании против наиболее природоразрушающих проектов.

184209 г. Апатиты Мурманской области,
ул. Ленина, д. 6, офис 29.

Тел./факс: (815-55) 6-62-86,

E-mail: kola@biodiversity.ru

Web-site: <http://www.kola-nature.ru>

Традиционное экологическое знание.

Терские поморы.

Ольга Ляпова

Ирина Зайцева

Лада Калинина

Фотографии: Геннадий Александров, Алексей Веселов, Андрей Харлов

Рисунки: Ирина Ситдикова

Макет: Геннадий Александров, Константин Кобяков, Вадим Лихачев

Перевод: Наталья Иванова, Мария Смолина

Редактор: Вадим Лихачев

Корректор: Татьяна Нефедьева

Подписано в печать ***** 2007 г. Формат *****

Усл. печ. л. **. Тираж *** экз. Заказ ***.

МООО “Кольский центр охраны дикой природы”

Россия, 184209, г. Апатиты Мурманской области,

ул. Ленина, д. 6, офис 29.

Тел./факс: (815 55) 66286

<http://www.kola-nature.ru>

Отпечатано в *****

